

ШЕДЕВРЫ ФЭНТЕЗИ

ПЕЧАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ БРАТЬЕВ ГРОССБАРТ

18+

ДЖЕСС БУЛЛИНГТОН

Шедевры фэнтези

Джесс Буллингтон

**Печальная история
братьев Гроссбарт**

«АСТ»

2009

УДК 821.111
ББК 84(7Сое)

Буллингтон Д.

Печальная история братьев Гроссбарт / Д. Буллингтон — «АСТ»,
2009 — (Шедевры фэнтези)

ISBN 978-5-17-107783-9

Средневековая Европа. Убийцы и грабители братья Гроссбарт отправляются в путешествие из германских земель на юг, спасаясь от гнева местных жителей и надеясь разбогатеть. В семье Гроссбарт уже несколько поколений промышляют разорением могил, и братья намерены прославить себя и предков, добравшись до легендарных склепов Гипта. Чтобы добраться туда, им придется пройти через опасные и неизвестные земли в компании самых разных путешественников: купцов и убийц, падших священников и жуликов всех мастей. Только мир Гроссбартов одновременно знаком нам и бесконечно далек: это мир живых святых и вполне реальных демонов, мир монстров, безумцев и чумы, мир оборотней, сирен, мантикор и чудовищ, которых сложно описать, а еще труднее назвать. Братьям предстоит узнать, что у всех легенд есть своя правда, а смерть — это далеко не самое страшное для тех, кто вступил на дорогу зла. Содержит нецензурную брань!

УДК 821.111

ББК 84(7Сое)

ISBN 978-5-17-107783-9

© Буллингтон Д., 2009

© АСТ, 2009

Содержание

Предисловие	6
I	8
II	12
III	18
IV	29
V	35
VI	38
VII	45
VIII	56
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Джесс Буллингтон

Печальная история братьев Гроссбарт

Jesse Bullington

THE SAD TALE OF THE BROTHERS GROSSBART

Originally published in English by Orbit.

Published by arrangement with Synopsis Literary Agency, The Cooke Agency International and The Cooke Agency

© 2009 by Jesse Bullington

© Ефрем Лихтенштейн, перевод, 2018

© Валерий Петелин, иллюстрация, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

Посвящается:

Рэйчел

Молли

Джону

Дэвиду

Трэвису

Джонатану

Предисловие

Нельзя сказать, что история братьев Гроссбарт началась, когда пятьсот лет назад в одном немецком монастыре, внутри полупереписанной Библии обнаружился иллюминированный манускрипт с текстом *Die Tragödie der Brüder Große Bärte*¹. Как нельзя сказать, что она закончилась, когда эти бесценные страницы погибли в прошлом веке во время бомбардировки Дрездена. Даже бесчисленные устные предания, которые безымянный монах записал в упомянутый выше фолиант, вряд ли можно счесть подходящей отправной точкой, и, как свидетельствует недавнее академическое оживление, хроника Гроссбартов еще не завершена. Эти средневековые сюжеты всплывают в разных культурах с такой поразительной настойчивостью, что отсутствие внятного современного перевода не поддается объяснению. Читателю доступны лишь немногочисленные перепечатки оригинальных рукописей, сделанные в XIX веке, и давным-давно, к счастью, не переиздававшееся стихотворное переложение Тревора Калеба Уокера. Увы, Уокер был куда лучшим ученым, чем поэтом, о чем явно свидетельствует этот его труд, изданный за счет автора. Все сказанное явилось для меня стимулом пересказать *Die Tragödie* так, чтобы получившаяся история пришлась бы по вкусу изначальным слушателям.

Здесь следует подчеркнуть различие между историями и историей: вместо того чтобы рассматривать *Die Tragödie* как собрание независимых фрагментов, сравнимое с относящимся к той же эпохе «Романом о Лисе»², я взял за основу устремление, о котором неоднократно упоминали сами Гроссбарты, и попытался составить цельное и линейное повествование. Благодаря такому подходу удалось включить в единый сюжет прежде не связанные истории, фрагменты, которые освещают разные аспекты большего нарратива, хотя на первый взгляд и кажутся не имеющими ничего общего, кроме эпохи и места действия. С другой стороны, из-за этой методы возникли сюжетные скачки в тех местах, где опущены однотипные приключения.

Спешу разочаровать коллег, которым наверняка хочется, прежде всего, понять, поддерживает ли автор апологетов Данна и Ардануя или ревизионистов Рахими и Танцер: это переложение предназначено широкой аудитории читателей, не знакомых с историями о Гроссбартах, и, таким образом, оно выходит за рамки академического противостояния. По этой причине, а также чтобы не отвлекать лишний раз читателя, книга лишена аннотаций, а там, где зафиксированы вариации, предпочтение отдано самым популярным сюжетным решениям. Как уже было сказано, приключения Гроссбартов зачастую мало отличаются одно от другого, если не считать места действия (что отражает региональные различия и происхождение первоначальных респондентов). Отмечать все эти расхождения значило бы отречься от цели данного проекта – пересказать историю так, как она звучала бы изначально. В конце концов, немецкий крестьянин ведать не ведал, что его соседи-голландцы ставят их родине в вину порождение Гроссбартов, как торговец из Дордрехта не знал, что немцы из Бад-Эндорфа настаивают, что в его городе родились пресловутые братья.

В этом проявляется пропасть, разделяющая современного читателя и изначальную аудиторию этих историй, чуждую для нас почти до полного непонимания. Первые рассказчики и их слушатели могли, например, отнести к фантастическим и кровавым элементам рассказов куда серьезнее, поскольку от опасностей ночи их ограждал лишь свет очага или походного костра. Четырнадцатый век, в котором происходили и рассказывались истории, был, по словам

¹ *Die Tragödie der Brüder Große Bärte* (нем.) – «Трагедия братьев Большебородов». – *Здесь и далее прим. пер.*

² «Роман о Лисе» (*Roman de Renard*) – французская средневековая сатирическая эпопея, повествующая о приключениях хитреца и обманщика лиса Ренара.

Барбары Такман, «ужасным, жестоким, с разобщенностью людей временем, ознаменованным, как многие полагали, торжеством Сатаны».

Однако неслучайно Б. Такман назвала свою монографию, посвященную истории данной эпохи, «Далекое зеркало»³. Трагедии и жестокости того времени могут показаться страшнее, если оценивать их из далекого будущего. Но, несмотря на все, чего мы добились за прошедшие столетия, на земле по-прежнему идут войны, благородные восстания жестоко подавляются, люди подвергаются религиозным гонениям, а голод и болезни уносят жизни невинных. Это не оправдание и не извинение за жестокости, которые встретятся вам на следующих страницах, но попытка дать читателю оптическое стекло, через которое, если потребуется, он смог бы на них взглянуть.

Мы никогда не узнаем, были Гроссбарты героями или злодеями, ибо, как справедливо заметила в своем романе «Рассказ служанки» Маргарет Этвуд: «Можно вызвать Эвридику из царства мертвых, но ее не заставишь ответить; и, обернувшись, чтобы взглянуть на нее, мы лишь на секунду улавливаем промельк, а потом она ускользает из нашей хватки и исчезает»⁴. Сами Гроссбарты, скорее всего, оскорбились бы, если бы их жизнь связали с таким колдовским делом, как странствие Орфея в Нижний мир. Обиделись бы они и на этот пересказ своей биографии. Но одобрили или осудили бы их средневековые слушатели, мы никогда не узнаем. Эта история эксгумирована для нашего просвещения, и, хотя я кое-что исправил, чтобы не оскорблять чуткую современную душу, ее дух в полной сохранности и потому неистребим. Маргарет Этвуд продолжает: «Прошлое – великая темь, что полнится эхом. Быть может, к нам донесутся оттуда голоса; но речь их пропитана мраком материнской материи, из коей они явились; и как бы мы ни старались, не всегда удается с точностью их расшифровать в прояснившемся свете наших дней». Приняв эту мудрость, давайте наострим уши и прищурим глаза, чтобы увидеть и услышать братьев Гроссбартов и начало истории в Бад-Эндорфе⁵.

³ В русском переводе книга вышла под названием «Загадка XIV века». (Такман Б. Загадка XIV века / Пер. с англ. А. Николаева, Н. Омеляновича и Н. Михайлова. – М.: АСТ, 2013.)

⁴ Здесь и далее цит. по Этвуд М. Рассказ служанки / Пер. с англ. А. Грызуновой. – М.: Эксмо, 2006.

⁵ Название реального поселения в Немецких Альпах Бад-Эндорф (Bad Endorf) для англоязычного читателя созвучно с «Bad End» – «плохой конец». Таким образом, история братьев Гроссбарт начинается с Плохого Конца.

I

Первое богохульство

Сказать, что братья Гроссбарт были жестокими и корыстными душегубами, значило бы возвести напраслину на худших из разбойников с большой дороги. А назвать их кровожадными свиньями значило бы смертельно оскорбить даже самых грязных боронов. Они были Гроссбартами с ног до головы, во многих странах и землях эта фамилия все еще имеет серьезный вес. Хоть братья и не были такими омерзительными, как их отец, или такими хитрыми, как их дед, на деле они оказались хуже, чем оба этих ужасных человека. Кровь может испортиться за одно поколение, а может веками очищаться, чтобы породить нечто поистине чудовищное. Так и произошло с кошмарными близнецами – Гегелем и Манфридом.

Оба были среднего роста, но шуплого телосложения. Манфрид мог похвастать непропорционально большими ушами, а размеру и форме носа Гегеля позавидовала бы не одна репа. Медно-рыжим волосам и бровям Гегеля отвечала серебристо-серая шевелюра брата. Худые лица обоих покрывали оспины. Им едва исполнилось по двадцать пять лет, а они отрастили бороды такой потрясающей длины, что даже с близкого расстояния их можно было принять за стариков. Братья вечно и ожесточенно спорили, чья борода длиннее.

Прежде чем их отца поймали и повесили в какой-то унылой деревеньке далеко на севере, тот успел преподать сыновьям семейное ремесло; если, конечно, разграбление могил можно счесть достойной профессией. Задолго до времен их прадеда фамилия Гроссбарт связывалась с самым подлым мошенничеством, но лишь когда кладбища превратились в нечто большее, чем просто земля горшечника⁶, семья обрела свое истинное призвание. Отец бросил их, когда братья едва могли удержать в руках лом, и отправился на поиски богатства и удачи, как его собственный отец однажды исчез, когда сам он был начинающим воришкой.

По слухам, старший Гроссбарт умер в ошеломительном богатстве где-то в пустыне на юге, где древние гробницы превосходят самые великие замки Священной Римской империи и по размеру, и по убранству. Так младший Гроссбарт говорил своим сыновьям, но весьма сомнительно, что в его болтовне содержалось хотя бы малое и усохшее зернышко истины. Братья твердо верили, что отец отыскал деда в Гипте, а их самих бросил на произвол судьбы и жестокой, вечно пьяной матери. Даже узнай они, что отец на самом деле стал поживой для ворон и умер без гроша за душой, вряд ли изменили бы ход своей жизни. Разве что проклинали бы его реже – или чаще, тут трудно угадать.

Дядюшка сомнительного родства и побуждений забрал братьев у безумной матери и взял под крыло на время взросления. Кем бы он ни приходился мальчикам на самом деле, борода у него была неоспоримо длинной, и он, как всякий прежний Гроссбарт, был всегда рад вскрыть склеп и унести оттуда неблагоприятную добычу. После нескольких столкновений с местными властями, из которых им чудом удалось выбраться, дядюшка растворился в ночи, прихватив с собой все их имущество. Обездоленным братьям осталось вернуться к матери, решительно настроившись украсть все, что не пропила и не растеряла за минувшие годы эта сморщенная старуха.

С лачугой, где братья родились, годы обошлись хуже, чем с ними: замшелая крыша обвалилась, пока они с дядюшкой разоряли погосты в долине Дуная. Пропахшая плесенью хибара служила убежищем только барсуку, которым Гроссбарты пообедали, получив лишь легкие ранения от когтей сонного зверя. Братья отправились к усадебной конюшне, где узнали, что

⁶ *Земля горшечника* – в Новом Завете участок в Иерусалиме, купленный для погребения путников на те тридцать сребренников, которые Иуда Искариот получил за предательство. Ср. Мф. 27:6–8. В данном контексте – простое и бедное кладбище.

их мать умерла зимой и теперь лежит вместе с остальными в кургане за городом. Под проливным дождем братья Гроссбарт плюнули на невысокий холм и поклялись, что сами упокоятся в величественных гробницах неверных или вовсе не узнают покоя.

Всего имущества у них было – две широкополые шляпы, зловонная одежда да инструменты. Но вид нищей могилы, в которой гнила их ничтожная родительница, взбодрил братьев, они приготовились к странствию на юг. Однако для такой экспедиции потребовалось бы больше припасов, чем пара ломов и маленький кусочек металла, бывший некогда монетой, так что Гроссбарты решили свести кое с кем счеты. Жидкая грязь затекала в их ботинки, тщетно пытаясь замедлить зловещее шествие братьев.

Свободный крестьянин Генрих всю жизнь выращивал репу на своем наделе неподалеку от городской стены. Его тяжкая доля осложнялась бедными урожаями и негодным состоянием ограды вокруг поля. В детстве братья частенько крали у него недозрелые овощи, но однажды Генрих подстерег воришек. Не пожелав воспользоваться хлыстом или руками, справедливо разгневанный крестьянин отлупил их лопатой. Расквашенный нос Манфрида так никогда и не принял прежнюю форму, а левая ягодица Гегеля по сей день несла позорный след встречи с лопатой.

С самого исчезновения проклятых мальчишек Генрих обрел плодородие – как на своем поле, так и в постели, которую делил с женой и детьми. Две дочки присоединились к старшей сестре и брату, и стареющий крестьянин радовался, что есть руки, которые скоро можно будет приобщить к делу. Генрих даже сумел скопить денег, чтобы купить здорового коня вместо старой клячи, и уже почти отдал своему другу Эгону все, что задолжал за телегу, которую тот для него смастерил.

Не щадя посевов, братья Гроссбарт пересекли поле и подошли к темному дому, когда грозовые тучи окончательно затмили слабый лунный свет. Однако их глаза давно привыкли к ночной темени, и братья заметили, что крестьянин выстроил небольшой сарай рядом с домом. Оба одновременно сплюнули на дверь и, обменявшись ухмылками, принялись молотить по ней кулаками.

- Пожар! – заревел Манфрид.
- Пожар! – вторил ему Гегель.
- Город горит, Генрих!
- Генрих, всех зовут на помощь!

Генрих так спешил подсобить соседям, что выскочил из постели, не обратив внимания на стук дождя по крыше, и распахнул дверь. Трескучая лучина у него в руке осветила не встревоженных горожан, а уродливые рожи братьев Гроссбарт. Генрих мгновенно их признал, взвизнул, выронил лучину и попытался захлопнуть дверь.

Но Гроссбарты оказались быстрее и выволокли беднягу под дождь. Крестьянин замахнулся, чтобы ударить Гегеля, но Манфрид пнул Генриха под колено прежде, чем тот успел нанести удар. Генрих вывернулся в падении и попытался ухватить Манфрида, когда Гегель крепко заехал крестьянину по шее. Генрих извивался в грязи, пока братья его охаживали, но, стоило ему вконец отчаяться, когда кровь потекла у него из носа и рта, как на крыльце возникла его жена Герти с топором в руках.

Если бы нос Манфрида не был сплюснен, топор наверняка бы его отхватил, когда женщина поскользнулась на мокрой земле. Гегель повалил ее, и оба покатались в грязи, пока муж Герти стонал, а Манфрид подхватил топор. Крестьянка укусила Гегеля за лицо и вцепилась ногтями в ухо, но потом Гегель увидел, как его брат заносит топор, и откатился в сторону, когда лезвие обрушилось ей на спину. Сквозь мутную пленку грязи, залившей ему лицо, Генрих смотрел, как его жена забилась в конвульсиях и обмочилась, а дождь сменился мелкой морсью, пока она истекала кровью в истоптанной жиже.

Братья никогда прежде не убивали человека, но ни один из них не ощутил даже слабого укола совести, совершив такое гнусное преступление. Генрих пополз к Герти, Гегель заглянул в сарай, а Манфрид вошел в дом детских слез. Гегель запряг коня, бросил на дно телеги лопату Генриха и мешок репы, а затем вывел его наружу.

В темном доме старшая дочь Генриха бросилась на Манфрида с ножом, но тот встретил ее рывок ударом топора. И, хотя Гроссбарт великодушно хотел только оглушить ее обухом, металл проломил череп, и девушка упала. Две малышки рыдали в кровати, а единственный сын съежился у тела погибшей сестры. Присмотрев рядом с небольшой кучкой лучин свечу из свиного сала, Манфрид сунул ее в карман, зажег вымазанную жиром тростинку от углей в очаге и осмотрел помещение.

Стащив с кровати и детей одеяла, он бросил на них лучины, несколько ножей и пару клубней, что жарились на очаге, а затем перетянул узел бечевкой. Манфрид задул лучину, спрятал ее в карман и перешагнул через всхлипывавшего мальчишку. Во дворе ждали конь и телега, но ни брата, ни Генриха не было видно.

Манфрид бросил узел из одеял в телегу и огляделся, пока его глаза быстро наново приспособлялись к дождливой ночи вокруг. Он увидел Генриха на расстоянии пятидесяти шагов: крестьянин, поскальзываясь, бежал, а за ним безмолвно гнался Гегель. Гроссбарт прыгнул, пытаясь ухватить беглеца за ноги и повалить его, но промахнулся и сам упал лицом в грязь. Генрих оторвался и помчался в сторону города.

Сложив ладони рупором, Манфрид заорал:

– У меня тут малыши, Генрих! Возвращайся! Сбежишь, им конец!

Генрих пробежал еще несколько шагов, затем перешел на шаг на самой периферии обзора Манфрида. Гегель поднялся и бросил на крестьянина злобный взгляд, но понимал, что нельзя его вспугнуть неуместной попыткой догнать. Поэтому поспешил к брату, и, когда Генрих потрусил обратно в сторону фермы, принялся шептать в огромное ухо.

– Будут последствия, – проговорил Гегель. – Точно будут.

– Он на нас весь город спустит, – согласился его брат. – Это нечестно, ведь его жена пыталась нас убить.

Манфрид коснулся давно сросшегося носа.

– Мы лишь сводили счеты, ей не стоило лезть, да еще с топором.

Гегель потер шрам пониже спины.

Генрих подошел к братьям, лишь инстинктивно ухватив суть их слов. Всякий добрый крестьянин любит своего сына даже больше, чем жену, и Генрих понимал, что Гроссбарты без колебаний прикончат юного Бреннена. Генрих расплылся в безумной ухмылке, думая о том, как завтра поутру весь город сплотится вокруг его утраты, выследит этих псов и вздернет на виселице.

Крестьянин сурово посмотрел на Гегеля, но тот не остался в долгу и ударил Генриха в нос. Голова у него закружилась, а затем Генрих почувствовал, как его вяжут, будто непослушное чучело – веревка врезалась в лодыжки и запястья. Генрих, словно в тумане, увидел, как Манфрид вернулся в дом, а потом резко очнулся, когда в дверном проеме заплескал свет. Манфрид бросил несколько углей из очага в солому на кровати, и крики девочек слились, когда всю постель охватил огонь. Манфрид вновь вышел наружу, волоча за собой одной рукой почти потерявшего сознание Бреннена и сжимая в другой клубень репы.

– Не так все должно было пойти, – заявил Манфрид. – Ты нас вынудил...

– Дважды нас обидел, – согласился Гегель.

– Прошу вас. – Покрасневшие глаза Генриха метались между сыном и огнем в доме. – Простите меня, парни, честное слово. Отпустите его и пощадите малышей. – Крики девочек становились все громче. – Бога ради, проявите милосердие!

– Милосердие – потребная добродетель, – проговорил Гегель, потирая деревянный образок Богородицы, который сорвал вместе с ремешком с шеи Герти. – Покажи ему милосердие, брат.

– Разумные слова, – согласился Манфрид и поставил мальчика на ноги лицом к отцу.

– Да, – выдохнул Генрих, слезы промывали дорожки в грязи на лице гордого крестьянина. – А теперь девочек, девочек отпустите!

– Они уже в пути, – сказал Манфрид, взглянув на дымок, взвившийся над крышей, и перерезал мальчику горло.

Если Гегель и счел такую кару слишком суровой, он ничего не сказал. Ночь лишила кровь причастного цвета, так что в лицо Генриху хлынула просто какая-то черная жидкость. Бреннен качнулся вперед, растерянность в его глазах разбила отцу сердце, а губы беззвучно шевелились в грязи.

– Благословенна Дева Мария, – нараспев произнес Гегель, целуя ворованный образок.

– И благословенны мы тоже, – закончил Манфрид, откусив кусочек от теплого клубня.

Девочки в горящем доме замолкли, когда Гроссбарты выезжали со двора: Гегель на коне, а Манфрид в телеге. Они заткнули Генриху рот клубнем, так что тот не мог даже молиться. Братья повернули на проселок, который вел на юг, в горы. Дождь прекратился, когда Гроссбарты неторопливо пустились в бега.

II Негодяи в бегах

Увидев в утреннем свете клубы дыма, которые поднимались к небу над тлеющими останками дома Генриха, на пожар сбежали жители городка. Через час большинство из них вновь взяли себя в руки, оправившись после потрясения, которое испытали при виде следов кровавой расправы. Вопреки собственным возражениям Генрих все же позволил увести себя в деревню, чтобы отогреть кости и нутро, если не душу, а полдюжины мужчин, бывших местными присяжными, поскакали на юг. Они одолжили коней различной ценности и взяли в дорогу еды на два дня, а Гунтер, подручный хозяина усадьбы, прихватил с собой трех лучших псов. Он также сумел убедить своего господина в необходимости выдать присяжным несколько арбалетов и меч. Другие тоже собрали все оружие, до какого смогли дотянуться, хотя все были согласны, что беглецов надо вернуть живыми, чтобы Генрих увидел, как их повесят.

Гунтер, который отлично знал имя Гроссбартов, клял себя за то, что не заподозрил ничего дурного, когда братья явились прошлым вечером к усадьбе, но утешался мыслью о том, что ни один добрый человек и подумать бы не смог о таком злодействе. Однако у Гунтера тоже были жена и трое сыновей, так что, хоть он и не назвал бы Генриха среди своих ближайших друзей, считал, что никто не заслуживает такой утраты. Он мог бы послать своих мальчиков помочь Генриху во время следующего посева, но отлично понимал, что это паршивая замена родным детям.

Присяжные скакали так быстро, как только позволяли их клячи, спешно пересекли поля и предгорья. Ветер пробирал всадников до костей, но солнце выжгло тяжелые тучи и высушило грязь. Телега оставила в ней глубокие рытвины, которые вместе с нюхом гончих не позволяли присяжным сбиться со следа. Даже если убийцы ехали без отдыха, Гунтер был уверен, что их удастся нагнать к закату. Он молил Бога, чтобы негодяи мирно сдались, увидев, что перевес не на их стороне, но сомневался в таком исходе. Это ведь были Гроссбарты.

Будучи Гроссбартами, Гегель и Манфрид не думали отдыхать, а почти загнали коня и остановились лишь перед самой зарей. Даже если бы они хотели продолжить путь, тропа затерялась среди темных деревьев, так что до рассвета ее было не разглядеть. Братья добрались до густого леса, который отделял собственно горы от пологих холмов, где прошло их детство. Манфрид отыскал ручей, чтобы напоить взмыленного коня. Он обтер животное, пока Гегель спал, и даже щедро предложил репу, но конь задрал нос и принялся щипать траву на опушке, прежде чем смежить веки.

Когда солнце поднялось, Манфрид разбудил обоих и, пока его брат запрягал коня, выстругал гребешок для бороды из ольховой ветки. Вскоре они уже тряслись по каменистой дороге, плохо приспособленной для крестьянской телеги. Оба принялись подергивать себя за бороды, размышляя одновременно об одном и том же.

– Может, на восток поехали, – сказал через пару часов Гегель.

– Неа, – возразил Манфрид, останавливая телегу, чтобы убрать с дороги упавший сук. – Они скумекают, что мы рванули на юг, других-то городов в округе почти нет.

– Тогда они сейчас выезжают, – буркнул Гегель.

– Если этот ублюдок не сумел высвободиться пораньше, сейчас его уже кто-то нашел. Всю ночь небось голосил. А кабы я ему тоже горло перерезал, не смог бы позвать на помощь.

– Так-то оно так, но тогда бы некому было усвоить урок, а ему еще надо было здоровую репу прожевать.

– Это верно, – согласился Манфрид.

– Так что они наверняка за нами пустились.

– Да, – протянул Манфрид, – и верхом они нас нагонят еще до темноты.

– Если не раньше, – фыркнул Гегель и сплюнул на запыхавшегося коня.

– Не стоило морочиться с телегой, – заявил Манфрид.

– На своем горбу одеяла хочешь тащить? Репу тоже? Нет уж, спасибо. Только телеги оправдывают существование коней. Они для телег и нужны.

По невыразимой и не до конца понятной причине Гегель всегда не доверял четвероногим тварям. Наверное, потому, что ног у них слишком много.

– Вот еще. А что мы, по-твоему, есть будем, когда репа закончится?

– Правда, чистая правда.

Братья расхохотались, затем Манфрид вновь посерьезнел:

– Стало быть, будет у нас преимущество, потому что мы впереди, а они сзади. Давай-ка прогоним телегу еще чуток вперед, потом привяжем коня к дереву, а сами рванем назад через лес? Устроим им нежданку.

– Нет, это не слишком хитро. Вон там, за деревьями, видно, где дорога вверх по склону забирает. Там и подождем. Будем повыше их, брат, и все преимущество.

– Ну, лучше так, чем никак. Вырежу я, пожалуй, нам пару копий.

Манфрид спрыгнул с телеги и пошел рядом, выглядывая в лесу подходящие ветви. Опасная горная тропа не позволяла ехать быстро, так что Манфрид не отставал. Бросив на дно телеги несколько длинных веток, он снова забрался на свое место и принялся за работу.

Гунтер остановил присяжных там, где дорога начала петлять, взбираясь по склону горы. Только благодаря заезжим охотникам и их куда более здравомыслящей добыче тропа не совсем заросла. Огромные деревья защитили бы преследователей от лавины, но мест, где беглецы могли бы устроить засаду, здесь было хоть отбавляй. Гончие уселись так далеко от коней, как позволяли поводки, и Гунтер спешил, чтобы напоить их.

За оставшийся до заката час присяжные едва успеют доехать до перевала. С тяжелым вздохом Гунтер спустил псов с привязи и увидел, как собаки радостно устремились вверх по тропе. Он надеялся догнать убийц прежде, чем дорога начнет петлять, но по лесу присяжные ехали медленно, чтобы не пропустить след, если Гроссбарты вознамерились сойти с тропы. Может, конечно, беглецы решили спуститься по противоположному склону, а не залечь и ждать, но Гунтер в этом сомневался. Братья были жестоки, а единственным преимуществом горожан, кроме численного, было то, что они хоть несколько часов поспали прошлой ночью.

– Скачите как можно быстрее, – крикнул Гунтер, – но оставляйте между собой и следующим всадником зазор в несколько коней!

Густой лес сменился каменистыми осыпями и живучими соснами, которые, казалось, росли прямо из скальной породы. Заходящее солнце освещало тропу, которую до конца недели щедро засолит снег, и всадники ощутили тяжесть не только своего оружия, но и страха. Впереди скакал Гунтер, следом ехал его племянник Курт, за ними – плотник Эгон, а замыкали крестьяне Бертрам, Ганс и Гельмут. Гончие подняли лай и рванулись вперед. Гунтер поехал следом, пристально разглядывая три поворота дороги, прежде чем псы скрылись из глаз.

Самый крутой отрезок тропы проходил рядом с вершиной, где дорога выравнивалась на перевале. Манфрид засел за поваленным деревом и мелким валуном у последнего поворота с большой кучей камней и своими копьями. Везде, где осыпь и скалы оставляли участки земли, склон покрывала бурая трава, а на полпути к следующему повороту Гегель закончил размахивать лопатой и ломом: он выломал камни и раскопал твердую землю под ними, устроив столько ям для конских ног, сколько успел. Теперь он поспешно маскировал ловушки мертвой травой. Гончие, которые рванулись к нему по тропе снизу, слишком запыхались, чтобы лаять, но Гегель все равно их почуял.

Собак Гегель ненавидел больше, чем остальных четвероногих тварей вместе взятых, поэтому сразу замахнулся лопатой. Увидев добычу, псы бросились к нему. Лопата врезалась в

лоб первой гончей, так что та покатила к обочине, но прежде чем Гроссбарт успел ударить снова, оставшиеся две собаки прыгнули. Одна щелкнула зубами рядом с рукой Гегеля и приземлилась у него за спиной, а другая вцепилась в лодыжку. Пошатнувшись, он вогнал клинок лопаты в шею гончей и перебил ей позвоночник. Однако даже смертельный удар не заставил пса разжать зубы, глубоко вошедшие в тело.

Манфрид прикусил губу, его взгляд метался между братом и всадниками, которые как раз показались на повороте дороги внизу. Как только пес позади Гегеля прыгнул, тот крутанулся на месте и отбил нападение черенком лопаты, но потерял равновесие и упал. Увидев, как Гегель споткнулся о труп собаки, впившейся ему в лодыжку, Манфрид сполз вниз по склону. Пес, которого Гегель оглушил первым, поднялся на ноги, но Манфрид уже выскочил на тропу, сжимая в руке лом.

Манфрид слышал топот копыт, но лежащий Гегель слышал только рычание пса, норотившего вцепиться ему в лицо. Гегель резко откинулся назад, так что клыки ухватили лишь его ухо и кусок кожи. И тогда – в знак вящей ненависти к этой твари и всему ее роду – Гроссбарт обхватил руками гончую и сжал зубы на ее поросшей шерстью глотке. Пес смешался, взвизгнул и попытался вырваться, но Гегель притянул его ближе, разорвал шкуру и вгрызся в мясо. Давясь грязной, вонючей собачьей плотью, он раскрыл рот пошире, чтобы обхватить зубами вены.

Спускаясь, Манфрид успел обернуть левую руку запасным одеялом и теперь легко спровоцировал раненую собаку. Он ворчал и размахивал рукой до тех пор, пока пес не бросился на моток ткани, и, стоило животному укусить, Гроссбарт вышиб ему мозги ломом. Засунув оружие за пояс, он приподнял содрогавшееся тело собаки и бросился к обочине. Узнав на тропе внизу Гунтера, Манфрид швырнул в него мертвым псом и поспешил обратно наверх, в свое гнездо.

– Шевели ногами, братец! – прохрипел он.

Гегель сломал челюсть мертвой гончей у себя на лодыжке, а пес, которому он прокусил глотку, истекал кровью рядом на земле. Услышав конский топот, Гегель захромал так быстро, как только мог, следом за братом. Место для засады они выбрали благодаря обрывистым склонам и крутому подъему, так что у Гегеля не было шансов добраться до поворота, за которым скрылся Манфрид, прежде, чем всадники настигнут его. Поэтому Гроссбарт бросился за ближайший валун ровно в тот миг, когда из-за поворота внизу показался Гунтер.

Любимая сука Гунтера чуть не выбила его из седла, и будь конь не так измотан, он наверняка встал бы на дыбы от страха. Собачья кровь промочила рубаху, а на плече стал набухать синяк, но Гунтер прищпорил коня и закричал своим спутникам:

– Мы их догнали, ребята!

Увидев, что на следующем отрезке тропы нет никого, кроме еще одного убитого пса и нескольких валунов, Гунтер погнал своего скакуна вверх по крутому склону. Осторожный конь сумел избежать ям, которые выкопал Гегель, промчался мимо съездившегося Гроссбарта и скрылся за следующим поворотом. Краем глаза Гунтер приметил Гегеля, но, прежде чем успел рвануть назад, убийцы сделали свой ход.

Ехавший следом за дядей Курт увидел Гегеля, только когда клинок лопаты впился ему в безымянную кость и повалил с лошади. Перепуганный конь попятился и вступил в ловушку, где с хрустом подломил путовый сустав и рухнул прямо на Курта, прежде чем тот успел моргнуть. Лошадь придавила юношу и раздробила ему ноги, когда принялась отчаянно кататься и брыкаться. Гегель увидел, что из-за поворота выезжает следующий всадник, и поспешил броситься в обход обезумевшего коня, чтобы подобрать упавший арбалет, отлетевший на безопасное расстояние от копыт. Курт этого даже не заметил – падение выбило ему воздух из легких, а конь продолжал своим весом дробить кости ног и таза.

Гунтер прицелился в Гегеля, но уронил арбалет, когда камень, брошенный из укрытия Манфридом, врезался ему в висок. Кровь тут же залила глаз, но Гунтер быстро спешился, чтобы встревоженный конь оказался между ним и невидимым негодяем. Он подхватил с земли арбалет, но следующий камень так больно стукнул коня, что тот рванулся вверх по дороге, и Гунтер был вынужден отпустить поводья, чтобы животное не поволокло его за собой. Заряжая вторую стрелу, Гунтер прищурился и сумел разглядеть в сгустившихся сумерках силуэт Манфрида.

Эгон остановил своего коня на повороте и, потрясенный, уставился, как бьется лошадь Курта, придавив к земле всадника, над которым нависла темная фигура. Эгон не понимал, что делать дальше. Из оружия у него был только топор, так что плотник спешился и привязал лошадь к соседнему деревцу. Бертрам промчался мимо растерявшегося Эгона; он пустил коня аллюром, настолько близким к галопу, насколько позволял крутой склон. В отличие от прочих, он служил присяжным в нескольких подобных случаях, и сомнений, что делать, у него не было: Бертрам увидел Гроссбарта и собирался затоптать его конем.

Гегель подхватил арбалет Курта – чудом уцелевший, но разряженный. Снизу к нему скакал Бертрам, и все мускулы Гегеля напряглись в ожидании. Когда конь и всадник почти добрались до него, Гроссбарт прыгнул назад между молотивших воздух ног упавшей лошади Курта и покатился по тропе. Бертрам пришпорил коня, чтобы заставить его перепрыгнуть покалеченного сородича, но растерявшееся животное повернуло в сторону, чтобы объехать его. Узкий край тропы подался под копытами, и на миг показалось, будто человек и конь скачут прямо по склону горы, прежде чем они завертелись, покотившись вниз и кувыркаясь друг через друга.

Манфрид понимал, что Гунтер его заметил и может выстрелить, но рискнул и выскочил из-за чахлах кустов, чтобы перехватить напуганную лошадь и ткнуть ей в нос копьём. Конь встал на дыбы, затем рванулся обратно вниз по дороге. Когда он оказался точно между ними, оба выпустили свои снаряды. И оба удивительным образом попали в цель: Манфрид повалился на землю, когда арбалетный болт задел его голову, а перепуганный конь совсем обезумел, когда камень врезался ему в мошонку. Гунтер попытался убраться с пути лошади, но на повороте та ударила хозяина и сшибла его с тропы.

Гегель ухмыльнулся, когда Бертрам с последним криком выехал на обрывистый склон, но потом ухмылка сползла с его лица, когда Гроссбарт услышал позади отчаянный топот копыт. Он сжался в комок, когда над ним навис лишившийся всадника конь Гунтера. В отличие от скакуна Бертрама, тот перепрыгнул покалеченное животное, перегородившее тропу, и ринулся к остальным трем присяжным. Приземлившись, конь проломил задним копытом грудь Курту, так что из носа и рта юноши пошла кровавая пена.

Ганс и Гельмут ошеломленно смотрели, как кони погубили своих седоков – сперва Бертрама, а затем Гунтера. Последний скакун промчался мимо них и ускакал вниз по тропе. Они благоразумно привязали своих лошадей к тому же дереву, что и Эгон, и втроем осторожно стали наступать на Гегеля. Увидев, что арбалетов у них нет, Гегель вновь обошел коня Курта и принялся искать болты на теле мертвого юноши. Оперенье торчало из-под тела лошади, так что Гроссбарт потер окровавленные руки, а затем опустился на колени рядом с Куртом и попытался высвободить застрявший колчан.

– Ты там жив, брат? – закричал Гегель, оглядываясь через плечо, чтобы убедиться, что трое присяжных не подкрались к нему слишком быстро.

– И силен, как вера! – отозвался Манфрид, который все же сумел отрезать наконечник болта, который продырявил ему правое ухо. Щеку и кожу на голове оцарапало древко, стрела остановилась у самого оперения. Без наконечника Гроссбарт смог вытащить из кровавых ошметков уха обломок стрелы и поднялся на ноги.

Гунтер застонал, подтягиваясь единственной здоровой рукой, правой, чтобы выбраться на тропу. Левая сломалась от удара о камень, когда он катился по крутому склону горы, но горо-

жанину удалось ухватиться за ветку дерева, прежде чем инерция увлекла его вниз, к самому подножию. За миг до того, как конь сбил его с дороги, он видел, что арбалетный болт попал Манфриду в лицо, и не мог понять, как негодяй остался жив.

– Бросай оружие! – рявкнул в спину Гегелю Ганс.

– Бежать вам некуда, – поддержал его Гельмут. Правда, уверенности в его голосе было значительно меньше.

– Вам тоже, – прорычал в ответ Гегель, упершись ногой в перекрестье арбалета и рывком натягивая тетиву.

Положив на ложе добытый болт, Гегель развернулся, одновременно разгибаясь. Все трое подобралось на расстояние нескольких шагов, но замерли, пораженные жутким видом Гегеля, по губам и бороде которого струилась кровь. Крестьяне тут же смекнули, что Гроссбарт отведал мяса Курта, и Эгон всхлипнул.

Все смотрели друг на друга, Эгон начал потихоньку отступать назад. Ганс и Гельмут обменялись взглядами, которые Гегель сразу узнал, но прежде чем они успели двинуться с места, выстрелил Гансу в промежность. Гельмут бросился на Гроссбарта с топором, но тот швырнул ему под ноги разряженный арбалет, так что крестьянин споткнулся и упал. Выхватив лом, Гегель бросился вниз по дороге, но резко остановился, увидев, что Гельмут встал на одно колено и взмахнул топором. Когда крестьянин неуверенно поднялся на ноги, Гегель осторожно сделал еще шаг вперед.

– На моем топоре кровь, а на твоём? – спросил Манфрид, и его голос прозвучал совсем рядом с Гегелем.

Он обошел упавшего коня Курта и поднял оружие, которым его прошлой ночью пыталась ударить Герти. Стоя рядом с братом, каждый из Гроссбартов казался даже более злобным и опасным, чем в одиночку.

– Хватит думать, давай, попробуй нас обоих прикончить, – включился Гегель, затем кивком указал на Ганса, который лежал на земле, задыхаясь и сжимая стрелу, вонзившуюся в пах. – Хочешь получить как он? Он вроде хотел, да, кажется, передумал.

– Нам нет нужды с тобой заводитьсь, – сообщил Манфрид, и оба Гроссбарта шагнули вперед. – Но и убить тебя рука не дрогнет.

Гельмут был до смерти напуган, да еще вспомнил, какое разорение братья учинили в доме Генриха утром. Так что крестьянин ослабил хватку на топоре. Рядом застонал Ганс, и Гельмут снова крепко сжал в ладонях оружие, потому что понял: нельзя доверять Гроссбартам. Позади братьев мелькнула тень, и Гельмут невольно ухмыльнулся.

Гегель нутром почувствовал опасность и развернулся – как рак, когда вернувшийся Гунтер ударил его наотмашь мечом. Удар, который должен был стать смертельным, рассек Гегелю губу и щеку, и Гроссбарт в ярости взмахнул ломом. Он попал Гунтеру в сломанную руку, тот завыл и повалился на колени.

Манфрид и Гельмут смотрели друг на друга, не отводя взгляда, и атаковали одновременно. Гельмут ударил сверху вниз, а Манфрид наискось, но топоры столкнулись, а не впились в мясо. Боль прокатилась по рукам Гельмута до локтей, но крепкий крестьянин удержал оружие, а топор Манфрида покатился по камням. Сам Гроссбарт упал на одно колено от силы удара.

Гельмут снова взмахнул оружием, но Манфрид прыгнул и ударил плечом в грудь противнику, прежде чем рубящая кромка успела опуститься. Они кубарем покатались вниз по тропе, невольно зажав между собой топориче. Когда оба остановились, крестьянин пересилил Манфрида и прижал деревянную рукоять к его шее. Тот попытался вслепую вытащить из-за пояса нож, но Гельмут прижал коленом локоть Гроссбарта к земле. Лезвие топора впилося Манфриду в горло, вырывая клочья бороды. Глаза негодяя полезли из орбит, а трахея едва не схлопнулась.

Манфрид хрипел под топором, в глазах у него потемнело. Гроссбарт ощупал дорогу свободной рукой и выдрал из земли приличный булыжник, которым ударил Гельмута в ухо с неожиданной силой пойманной в силок куницы. Гельмут моргнул, камень вновь врезался ему в голову, затем крестьянин повалился вперед.

Высвободив другую руку, Манфрид просунул ее под топорище, так что воздух снова попал в его тело. Гроссбарт продолжал лупить Гельмута по голове, пока не пробил череп; на него потекла кровь и теплая жижа. Наконец Манфрид перевернул Гельмута и неуклюже поднялся на ноги, но тут же сел на еще не остывший труп.

Гегель прикончил Гунтера одним точным ударом в висок, так что мозги брызнули наружу. Он бросился было на помощь брату, но Ганс еще не сдался и ухватил Гроссбарта за окровавленную лодыжку, когда тот пробежал мимо. Гегель быстро восстановил равновесие и до смерти забил крестьянина ногами, целясь преимущественно в древко стрелы, торчавшей у того между ног.

– Сбежал, – прохрипел позади него Манфрид, и это слово привело Гегеля в чувство.

– Чего? – хмыкнул Гегель.

– Третий. Хер. Сбежал, – проскрежетал Манфрид, которому было трудно выдавить между вдохами больше одного слова, и указал рукой вниз на тропу. – Коней. Свет. Гад.

Прищурившись, Гегель сумел разглядеть в сумраке поворот дороги, где присяжные привязали своих лошадей. Решив, что Гроссбарта – демоны во плоти, – и убоявшись опасности для своей души, равно как и тела, Эгон сохранил довольно здравого смысла, чтобы отвязать и других коней, а затем пустить их бежать вниз по дороге. Оглянувшись на Манфрида, Гегель увидел широкую лиловую полосу, которая начала набухать на шее брата.

– Только это они тебе и подарили? Ожерелье за все страдания? – Гегель вытянул окровавленную ногу. – Мне половину рожи располосовали, псина меня ела, а дорога расцеловала, пока ты сидел себе за углом.

– Ась? Чегось? – Манфрид приставил ладонь к изуродованному уху. – Ничего. Не слышу.

Оба искренне расхохотались, отчего рана на щеке Гегеля снова начала кровоточить. Покалеченная лошадь Курта уныло смотрела на них, пока Гегель не покончил с ней ударом лома. Затем Манфрид пустил в ход топор и добыл столько мяса, что хватило бы на дюжину и менее крепких мужчин. Братья проявили не свойственную им щедрость, решив позволить волкам и воронам присвоить остальные трупы, и нетвердой походкой направились к перевалу. Ночь опустилась на них, как тень гигантского грифа.

III

Ночь в горах

Развести костер в темноте на продуваемом всеми ветрами горном перевале – задача не из легких, однако Гроссбартам она оказалась вполне по плечу. Пока Манфрид на чем свет стоит клял растопку, Гегель собирал дрова, а когда захотел помочиться, направил струю в котелок. Он помазал собственной мочой изодранную щеку и губу, вздрагивая от боли и добавляя свою порцию проклятий в адрес упрямого костра. В конце концов огонь занялся. В его свете Гегель нарезал полос из самого паршивого одеяла и передал котелок брату.

Манфрид припомнил, что один цирюльник говорил, мол, конская моча куда полезнее человеческой, и больше часа терпеливо ждал, а когда услышал характерный звук, бросился ловить драгоценную струю. Братья лишь в общих чертах знали о гуморах – крови, флегме, черной и желтой желчи, – которые якобы циркулируют в человеческом теле и ответственны за его здоровье, поэтому больше полагались на простое знахарство. На углях медленно пропекалась конина, и Манфрид поставил котелок рядом, чтобы разогреть жидкость. Гегель увидел, что затеял брат, и презрительно хмыкнул.

– Гамлина вспомнил? – поинтересовался он.

– Вспомнил, какая у тебя моча вонючая, – парировал Манфрид, промокая тряпочкой, вымоченной в горячей жидкости, свое продырявленное ухо.

– Нельзя пользоваться тем, что из зверя изошло, – провозгласил Гегель и откусил кусок конины.

– Ага, если не считать мяса, которое ты жуешь, да шкуры, в которую нарядился, – фыркнул Манфрид.

– Это совсем другое дело. Зверь помереть должен, чтоб его съели или на одежду пустили.

– А перья как же? – помолчав, спросил Манфрид.

– Перья?

– Перья.

– Это ты к чему? – нахмурился Гегель.

– Перья идут на стрелы, заколки и все такое прочее. И птицу необязательно убивать, чтоб их забрать.

– Ну, они-то не считаются! – грубо расхохотался Гегель. – Птицы не звери!

– Ну... они, конечно, чуток другие, да.

– Само собой. Ты сколько птиц видел, чтоб они ползали, как звери? Совсем другие. И рыбы тоже. Я без вопросов в рыбу кожу завернусь, если ее порезать.

Манфрид кивнул. Аргументы брата его не убедили, но дальше разговор мог зайти в тупик. Братья были согласны почти по всем вопросам, но даже после стольких лет совместных странствий Манфрид не мог в полной мере оценить степень недоверия, которое Гегель испытывал по отношению ко всем четвероногим тварям. Брат, конечно, не отказывался на них ездить или есть их мясо, наоборот, получал от этого явное удовольствие, которое, как верно отмечал Манфрид, пахло садизмом. Обработывая ухо конской мочой, Манфрид и на опухшую шею плеснул, чтоб не пропадало лекарство.

Если не считать ран, Гегель чувствовал себя превосходно. Пережевывая ужин, он вытащил из-под рубахи образок убитой Герты и поднес его к свету. Опознать Святую Деву в грубом резном изображении смогли бы только глаза истинно верующего. Он потер округлые груди Девы большим пальцем и задумался о том, что это значит – быть милосердным.

Глядя на брата, Манфрид ощутил укол зависти. Он считал себя куда более благочестивым, чем Гегель, который начал славить Ее имя только после того, как Манфрид ему объяс-

нил, чего Она стоит. Однако решил, что истинно милосердно оставить брату его трофей, а не отбирать. Несмотря на то что именно Манфрид сразил гнусную еретичку, которая носила этот образок на шее, Гегелю Ее изображение явно несло утешение. Идея ужалила Манфрида, словно комар, он взял из телеги одно из копий, переломил древко и принялся вырезать себе собственную Святую Деву. У него выйдет куда более точное подобие – и груди, и живот будут заметно крупнее.⁷

Вскоре Гегель растянулся у костра и заснул, оставив брата дежурить. Манфрид ел медленно и за ночь поглотил несколько фунтов конины. Он порадовался доброму угощению и с удовлетворенной ухмылкой подумал, что печальные дни овсяной каши и барсучьего мяса остались позади. Гроссбарт знал, что горы не могут тянуться бесконечно, а за ними лежит море – и путь туда, где их ждут дедовы сокровища. Некоторое время спустя он разбудил брата, чтобы тот стоял на часах, и улегся на прогретой телом Гегеля земле. Манфрид вообразил, будто звезды – самоцветы, что сияют в глубине забытых гробниц, и, засыпая, он успел увидеть, как вскрывает покров ночи и набивает карманы блестящими драгоценностями.

Навалив дров в костер и закутавшись в одеяло, Гегель сидел на камне и жадно ел мясо. Он плеснул в котелок воды и обжегся, когда сыпал туда золу, чтобы оттереть конскую мочу. Затем он наполнил его до половины остатками воды, добавил куски репы и конину. Под бдительным взором Гегеля варево кипело на медленном огне, а сам он принялся размышлять о положении, в котором оказались они с братом. В глубине души он чувствовал, что они впервые в жизни и вправду идут по дороге, ведущей к богатству.

Пока Манфрид видел во сне золото, пески и Святую Деву, Гегель задумался о более близких богатствах. На дороге внизу лежало несколько конских туш, ждавших, чтобы какая-то трудолюбивая душа превратила их в зельц, мясо и колбасу, не говоря о жилах, которыми можно шнуровать обувь, и шкурах, которые стоило выдубить и пустить на плащи. Из костей легко вырезать рыболовные крючки, а засушенными хвостами стегать запряженного в телегу коня. У Гегеля голова пошла кругом от больших возможностей, когда он вдруг вспомнил, что там лежат и человеческие тела.

Гегель тихонько застонал, но совесть мучила Гроссбарта не из-за пролитой крови, а из-за того, что братья поленились сразу обыскать мертвецов. Воображение рисовало ему у каждого пояса по кошелю, набитому монетами, которые теперь глотали или растаскивали по своим логовам безмозглые звери: новые ботинки и штаны тянут в темные ямы, перстни и браслеты катят в крысиные норы. Гегель бросился было вниз по дороге, но без серебристого света луны даже острые глаза и верные ноги не смогли бы провести его по коварной тропе. Поэтому он сел в стороне от костра и прислушался к звукам движения на склоне горы. За несколько часов Гегель ничего не услышал, поэтому нежными пинками разбудил брата и улегся у костра.

Манфрид проснулся на рассвете и обнаружил, что Гегель мирно похрапывает рядом. Угли в костре покрылись золой и пеплом. Значит, этот лентяй последний раз подбрасывал дрова много часов назад. Прошептав проклятье, Манфрид подобрался к брату, опустился на колени и приложил губы к уху Гегеля.

– ПОДЪЕМ! – завопил Манфрид так, что подпрыгнул не только брат, но и конь.

– Что?!

Гегель откатился и вскочил на ноги, а затем стал недоуменно оглядываться по сторонам.

– Спишь на посту, – покачал головой Манфрид. – Стыд какой.

– Это кто спит на посту? Я тебя разбудил, ублюдок! Это твоя вахта!

– Врешь, ты задремал на своем дежурстве.

⁷ Стремясь вернее передать образ Святой Девы, Манфрид явно тяготеет к более древнему типу женских изображений, так называемой Венеры палеолита. Эти доисторические женские фигурки, вырезанные из кости, бивней и мягких пород камня, отличались гипертрофированными вторичными половыми признаками. Как становится понятно из следующих разговоров Гроссбартов, вера братьев в Святую Деву обладает не столько христианскими, сколько более архаичными чертами.

– Я тебя ногой пнул, козел бородатый!

– Когда это?

– Когда моя вахта закончилась!

– Гм-м-м, – протянул Манфريد и принялся жевать бороду, смутно припоминая, что во сне действительно получил ногой под ребра, но не проснулся. – Что ж, выходит, никто из нас не виноват.

– Не виноват? Ты не вставал, что ли? Какого черта, братец, ты и виноват – с ног до головы.

– А ты бы проверил, что я проснулся, – проворчал Манфريد, но затем просветлел. – Да и хер с ним, Гегель, о чем мы говорим? Нас добро ждет под горкой!

Перехватив по куску зажаренного мяса, оба наперегонки пустились вниз по дороге, пока не достигли места вчерашней схватки. Ночные падалышки оставили львиную долю братьям, которые скрупулезно свалили в кучу посреди тропы все сколько-нибудь ценное. После краткого совещания они спустились по извилистой дороге до того места, где упокоился Бертрам, который скатился вниз по склону вместе с лошадьё. Вопреки ожиданиям тот оказался жив, хотя сломанный позвоночник едва позволял ему говорить.

– Гросс... – прошептал он разбитыми губами. – Гросс... барты...

– Ага, – подтвердил Гегель, – это мы.

– А ты крепкий, да? – удивленно проговорил Манфريد.

– У... – выдохнул Бертрам. – Блюд. Блюд.

– Что-что? – нахмурился Гегель, почувшый, как в воздухе запахло оскорблением.

– Блюдки, – пробуюлькал Бертрам, потому что Манфريد для пробы надавил ему на грудь каблуком. – Ублюдки.

– Ну, это точно неправда, – возразил Гегель и присел на корточки рядом. – Мы оба помним лицо своего отца, даже если наша мать его забыла.

– Он боли уже не чувствует, брат, – сообщил Манфريد, который стащил с Бертрама сапог и теперь тыкал в пальцы ножом. – Смотри, не вздрогнул даже.

– Смер... – прохрипел Бертрам. – Смер-рть!

– Кому, тебе или нам? – ухмыльнулся Гегель и повернулся к брату. – До смерти разбился, а все равно хочет мести! Неплохой же человек.

– Окажем ему милосердие? – спросил Манфريد. – Я-то возился со старым пиздюком, так что не видел. Говоришь, конь его вниз стащил?

– Ага, тот, которого мы сверху видели, поломанный весь.

Гегель взглянул в незаплывший глаз Бертрама:

– Это тебе по справедливости досталось за то, что положился на зверя. Лучше бы спешился. Глядишь, иначе бы все обернулось.

Бертрам попытался плюнуть, но сумел только пустить струйку крови по подбородку.

– Ты его видел раньше? – спросил Манфريد, который продолжал рассеянно резать ножом ногу Бертрама.

– По детству я его вроде не помню, – пробормотал Гегель и поскреб бороду. – Но с учетом трусости – он ведь коня в драку между людьми потянул, – я считаю, что его нужно птицам оставить.

– Но он ведь не сбежал, – возразил Манфريد, которому пришлось по душе упорство крестьянина. – Не бросил своих товарищей, как тот, другой подонок. Не стал подличать с арбалетом и все же ночь протянул на холоде.

– Но конь, брат, конь? Он же хотел меня затоптать! Подумай только, Манфريد, меня бы двинул треклятый конь!

– Ну, проверим, – рассудил Манфريد, отложил нож и присел рядом с братом у головы Бертрама. – Просишь милости, трус?

– Хрен! – отрыгнул Бертрам. – Сдох. Ни. Гросс.

– Видишь? – Манфрид торжествующе ухмыльнулся. – Только трус будет просить милости, даже если предлагают.

– Херня! – возразил Гегель. – Только драный трус будет задницу пролеживать, когда кто-то ему пальцы ножом режет.

– Сволочи, – сумел выговорить Бертрам.

– Ясно как день, что он ничем не может пошевелить. Смотри.

Манфрид ткнул Бертраму в губы пальцем, и тот, несмотря на мучения, щелкнул зубами, чтобы пролить хоть каплю крови Гроссбартов.

– Ну ладно, – сдался Гегель и проломил Бертраму череп камнем.

За все труды братья почти ничего не получили: добыли крепкие сапоги, которыми сменили свои остроносые ботинки, да настоящее оружие. Гегель забрал меч Гунтера и кирку Ганса, а Манфрид присвоил булаву Бертрама и топор Гельмута. А тот, которым зарубил жену Генриха, бросил на дорогу – как предостережение всем, кто рискнет поехать следом. Несколько годных стрел они рассовали по самодельным колчанам, а дубинки, тупые ножи и удобные круглые булыжники побросали в телегу к остальному снаряжению.

Одежда пострадала даже больше, чем носившие ее люди, и ни у одного не нашлось ни денег, ни украшений. Бертрама они завалили щебнем, остальных единодушно сочли трусами, а потому оставили на съедение воронью. На дневном свете стало ясно, что телегу по противоположному склону не спустить, тропа там почти сошла на нет, даже лошадь спустить нелегко. Но Гроссбарты не пали духом, а нагрузили своим добром животное, которое Манфрид окрестил Конем, а Гегель – Болваном.

Телегу Гегель порубил топором и утяжелил ношу бывшей крестьянской, а теперь вьючной лошадки дровами, которые засунул в складки одеяла, брошенного на спину животному. Затем они отправились в путь. Манфрид вел Коня под уздцы вниз по склону. И хотя тропа выглядела нехоженой, братья не сомневались, что вскоре она выйдет на более широкую, торную дорогу, которая проведет их через горы. В этом они, разумеется, ошибались, но довольно долго этого не понимали. К полудню Гроссбарты спустились в лесистую долину, пересекли ее и к вечеру выбрались на еще более крутой перевал.

Свет быстро мерк, и братья решили разбить лагерь на склоне. Провидение подарило им небольшую полянку, рассеченную посередине ручьем. Для костра Гроссбарты набрали валежника, решив приберечь остатки телеги на черный день. Гегель развернул конскую голову, отрубленную утром, взялся ее разделять и варить зельц. Манфрид наловил в ручье лягушек, но осень в низинах – ранняя зима в горах, так что ему попались только вялые и мелкие твари. Холод, который принесла ночь, заставил братьев сесть поближе к костру, но настроение Гроссбартов взлетело до небес вместе со звездами, когда они принялись обсуждать грядущие дни и недели. С одного из мертвых коней им посчастливилось снять бочонок зловонного пива, которое братья радостно распили на двоих, хохоча и переругиваясь до глубокой ночи. Холод заставил одного всегда бодрствовать, чтобы поддерживать огонь, а незадолго до рассвета Гроссбарты вновь нагрузили Коня, вышли на тропу и принялись карабкаться по следующему склону.

Этот перевал оказался еще выше, так что, потратив большую часть утра на сложный подъем на седловину, братья остановились, когда их взорам открылся вид на древние пики впереди и предгорья позади. Гроссбарты растеряли энтузиазм, когда через несколько часов спустились на альпийский луг, где тропа терялась в траве и больше не появлялась. Гора, с которой они спустились, за лугом соединялась с другим устремившимся к солнцу пиком. После долгой череды проклятий и взаимных обвинений братья решили продолжать двигаться на юг, потому что где-то там проходила широкая, торная дорога, что вела до самых приморских земель. Еще один спор завершился заключением о том, что более долгая дорога с обещанием конины в конце пути лучше, чем более прямолинейный подход.

Гегель торжествующе хохотал всякий раз, как Болван поскальзывался на камнях, но Манфрид успокаивал Коня и уговаривал его удвоить усилия. В конце концов путники преодолели это препятствие, и наградой им стал еще более опасный спуск к следующей луговине. Там они упали на землю без сил и не поднимались, пока вечерние тени не окутали долину. Гегель набросился на единственное в округе дерево с топором, а Манфрид развел костер и вытер Коня.

Зельц в заплечном мешке Гегеля поспел. Братья поужинали жареным конским мясом и мозгами, беседуя о теологии. Дул ветер, сверкали звезды, а они погрузились в обсуждение Девы Марии и Ее тряпки-сына. Гегель не мог уразуметь, как такая чудесная девица могла родить столь малодушного и трусливого отпрыска.

– Как по мне, все просто, – теоретизировал Манфрид. – В конце концов, мамаша у нас была дерьмовей некуда, а мы вышли просто загляденье.

– Чистая правда, – согласился Гегель. – Но добрый хлеб часто всходит на дрянной земле, так что мы – не такое уж диво, в отличие от ситуации, когда редкостная, благочестивая женщина рождает труса, а не героя.

– Ну, он-то свое огреб по полной. И не скулил.

– И что с того? Не вякать, когда тебя на крест приколачивают, – по мне это бесчестно. Мог бы хоть пнуть одного из них, по меньшей мере.

– С этим спорить не буду.

– Потому что не можешь, пиздюк упрямый. Ты, глядишь, и затянул бы песню о том, что смелее им позволить до смерти себя замучить, только мы оба знаем, что это херня.

– Странное все-таки дело. Похоже, кто-то там половину истории прослушал, а потом переврал, когда пересказывал. Она вроде как невеста Господня, но при том девственница. Девственница, которая с ослом в хлеву спит. А потом рождает сама себе мужа.

Гегель фыркнул:

– Присунул-таки в конце концов!

– Ты за языком следи! – одернул его Манфрид и потянул себя за бороду. – Хватило бы тебе ума послушать, понял бы, как я все раскумекал.

– А ты раскумекал, значит?

– Вот именно! Смотри, можно подумать, будто Она не девственница, потому что у девственниц детей не бывает, иначе они не девственницы. Хрен Господень – все равно хрен. Да черт с ним, это, наверное, самый здоровый хрен, какой видел свет.

Гегель откупорил бочонок, решив, что им потребуется священный напиток, чтобы разгадать эту загадку.

– Но Она точно девственница. Ты погляди на нее! – Манфрид поднял повыше образ Святой Девы, который недавно вырезал (целый день он ждал малейшего повода похвастаться и посрамить образок брата).

– Спору нет, – согласился Гегель и передал брату бочонок, чтобы лучше рассмотреть его работу.

– И, стало быть, вот что я думаю. Приходит Господь со своим хреном и давай наяривать вокруг Марии, весь такой ласковый, чтоб ему от Нее тоже немножко ласки досталось. А Она ему с порога отказывает.

– С чего бы Ей это делать?

– Чтоб остаться чистой! Господь или просто мужик, Она знала, что нужно оставаться чище прочих, Ей быть вечно девственной, иначе была бы Она просто еще одной драной грешницей.

Гегель уставился на резное изображение, размышляя над предположением брата.

– И вот, значит, Господь разозлился, сильно разозлился, как у него заведено. И присунул Ей все равно.

Манфрид отрыгнул.

– Ну нет!

– Ну да!

– А он разве не мог... ну, не знаю... сделать так, чтоб Она захотела?

– Он и пытался! Всему есть пределы, братец. Даже Господь не может заставить девицу *захотеть* ножки раздвинуть, хоть и может ее силой взять.

– Бедная Мария.

– Ты не жалеешь Ее, потому что Она ему отомстила. Сделала так, что сынок Господа получился самым сопливым, жалким и трусливым пиздюком за тысячу лет.

Взгляд Гегеля затуманился от внезапного понимания.

– Она это сделала *из мести*?

– Хуже судьбы не придумаешь – получить такого сына. Потому Она и Святая, братец. Из всех, кого Господь испытывал и покарал, только Она ему отомстила, да еще похуже с ним обошлась, чем он с Ней. Потому Она за нас и заступает, что любит тех, кто дает отпор Господу больше, чем тех, кто перед ним на коленях ползает.

– Вот это я понимаю. Но почему же Ее до сих пор зовут Девой?

– Ну, все же знают, что если изнасиловали, это другое дело.

– Другое?

– Ага, это нужно захотеть. Это штука духовная.

Гегель минутку подумал, прежде чем решил, что его брат сильно ошибается, и тут же бросил:

– Неа.

– Неа?

– Неа.

– А ну, объясни свое драное «неа» или вставай и получай, ублюдох болтливый!

– Изнасиловать, – откашлялся Гегель, – значит против воли лишит чистоты, взять посредством грубой силой. Или, говоря проще для простых ушей, *только* девственницу можно изнасиловать, она после всего этого уже не девица.

– Хорошо, что я привык иметь дело с пустоголовыми болванами и готов закрыть глаза на то, как ты мои уши обозвал. Что же до изнасилования, которое случается с теми, кто еще не потерял целомудрие, и даже только с ними возможно, позволь спросить, чьи жирные уродливые уста извергли в тебя эту премудрость?

– Юрген говорил...

– Вот как! Хреново откровение! Не тот ли самый Юрген, любивший тебе живописать, как ужасно лишать мертвецов ненужных ценностей? Не тот ли тупой невежа?

– Да ладно, ничего такого плохого Юрген не делал!

– Вот уж точно, лишь воровал да родную сестру сношал. Нельзя доверять человеку, который свой грязный отросточек у собственной матери во рту моет, какой бы ладной она ни казалась на неродственный взгляд.

– Это только догадки, сам знаешь!

– Гадки-догадки, а не стоит доверять ему как источнику познаний.

Манфريد переключился на северный говор, передразнивая подозреваемого кровосмесителя Юргена:

– «Токмо девицу можно изнасиловаць. А уж коли сносиловали, так она уж не девица». Пепел ему в задницу! Этот извращенец тебе говорил, что трахать свою родню вовсе не грех, правда?

– Нет, – соврал Гегель, но не очень убедительно.

– Ты уж сам решай, кому доверять, – вздохнул Манфريد, – какому-то испорченному выродку или родному брату, не говоря о Святой Деве.

– Ну не об этом же речь, братец!

– О чем мы тогда до сих пор толкуем?

Такой исход обоим показался достойным, поэтому Гроссбарты улеглись спать. Волчий вой где-то в горах напомнил им, что неплохо выставлять часового, и братья провели еще одну ночь, сменяя друг друга. К рассвету они по-прежнему находились там, где их застиг вечер – в альпийском бездорожье.

Еще несколько дней Гроссбарты карабкались вверх и вниз по склонам гряды, но на южную дорогу так и не вышли. После недолгой ссоры по поводу того, у кого из них чувство направления лучше, братья двинулись на юго-запад по плечам огромных горных пиков, обходя скальные выступы и отыскивая один перевал за другим. С каждым днем погода ухудшалась, ветер все увереннее пробирался под плащи. Луга становились меньше и встречались реже, а ледники, наоборот, возникали на пути чаще. И с каждой ночью волчий вой будто приближался. Кониная закончилась, репа была на исходе, и, хотя до сих пор побеждала логика Манфрида, оба Гроссбарта начали по вечерам голодно коситься на Коня.

Неделю спустя братья взобрались на гребень заваленного валунами нагорья и осмотрели с него лес, раскинувшийся между двумя огромными грядами. Гроссбарты быстро спустились по осыпи, волоча за собой измотанного Коня. Дрова, свежая вода, защита от ветра и, может, мясо – все ждало их внизу. Над могучими соснами кружили птицы, и братья, которые предпочитали тень свету, с радостью нырнули под сень леса, много дней пробыв под открытым небом. Их окутала могильная тишина. Наивные Гроссбарты даже понадеялись наткнуться на какое-нибудь заброшенное кладбище. Раз уж Святая Дева даровала им такое чудесное прибежище, вполне можно ждать чего-то подобного.

– Попомни мои слова, – провозгласил Гегель, – холмовые псы, которых мы слышали по ночам, наверняка залегли где-то здесь.

– Звучит разумно, – согласился Манфрид, который уже скрылся в густых кустах, окаймлявших лес. – Лучше волчье мясо, чем никакого.

В зарослях они различили плеск ручейка, а когда наконец его отыскивали среди искривленных древесных стволов, разбили лагерь неподалеку. Растянувшись на мху и напившись, братья сообразили, что потратили почти весь световой день; ночь в горах приходит до ужаса быстро. Гроссбарты собрали огромную кучу валежника, но не нашли следов живности, которую могли бы поймать себе на ужин. Гегель сварил последние клубни репы, а его брат в это время расставлял силки вдоль ручья. Даже когда ветер принялся раскачивать деревья и выть в утесах, оба чувствовали себя уютно.

– Хочешь первым дежурить? – спросил Манфрид, покрепче кутаясь в одеяло.

– Думаю, да.

Гегель положил у костра оба арбалета. Братьям удалось спасти только дюжину болтов, один из которых пришлось выдернуть из паха Ганса. Гегель не мог дожидаться шанса опробовать в деле тяжелый меч и кирку, а брат улегся рядом с булавой Бертрама, прислонив топор к соседнему дереву. Когда Манфрид захрапел, Гегель допил последние капли дешевого пойла из бочонка.

Ночь медленно тянулась под густой сенью деревьев, глотавшей всякий, лунный или звездный, свет. Для освещения, впрочем, хватало и большого костра, а в лесу ничего не шевелилось. Ровно в тот миг, когда у Гегеля начали слипаться глаза, и он подумал, что надо разбудить брата, Гроссбарт испытал странное чувство.

Не раз и не два во время своих злоключений братья становились целью охоты, но всякий раз Гегель непостижимым образом чувал, когда преследователи оказывались рядом, и всегда узнавал, что за ними следили. Он об этих предчувствиях не распространялся, если ситуация того не требовала, поскольку много лет назад дядюшка объявил, что у Гегеля ведьмин глаз, – после того как мальчишка настойчиво потребовал, чтобы они спрятались за миг до того, как

из-за поворота выскочил поисковый отряд. Гегелю такое название не пришлось по вкусу, как не понравилось бы оно всякому доброму христианину, но чутье его никогда не подводило.

Знакомое чувство, от которого волосы встали дыбом на загривке, подсказало ему, что кто-то наблюдает за ними из-за пределов светового круга, и, судя по полной тишине, подкрался он совершенно бесшумно. Более осторожный и хитроумный человек мог бы притвориться спящим, чтобы выманить наблюдателя на свет, или медленно потянулся бы к оружию. Такие разумные действия закончились бы для обоих Гроссбартов весьма прискорбно. Поэтому им повезло, что Гегель вскочил на ноги, укладывая стрелу на ложе арбалета, и заорал во всю мощь легких:

– Выходите, ублюдки!

Манфрид выкатился из-под одеяла и поднялся на ноги, схватив булаву и топор.

– Гости? – спросил Манфрид, моргая и вглядываясь во тьму.

– Не знаю, – еще громче заорал Гегель. – Гости выходят на свет по-честному! Только дураки и черти прячутся в ночи!

Из черноты раздался глубокий смех, и к ужасу Гегеля он послышался у него точно за спиной. Гроссбарт резко обернулся с арбалетом наизготовку, но цели для выстрела не нашел. Он направил наконечник в ту сторону, откуда, как ему казалось, раздался смех, но удержал палец на спуске, чтобы стрелять наверняка.

– Подходи к костру, – позвал Гегель чуть тише.

Манфрид подобрался ближе к брату, пытаясь высмотреть хоть что-то в безлунном лесу.

– Нет уж, спасибо, – прорычал из темноты голос, такой хриплый, словно незнакомцу в плотку насыпали гравия. – Если только вы потушите костер...

И снова хохотнул, от чего у обоих Гроссбартов в животе похолодело. Они сами привыкли выступать зловещими голосами из темноты и не горели желанием оказаться на другой стороне этого диалога. Манфрид попытался перехватить контроль над ситуацией. Он шагнул вперед и затянул нараспев:

– И любящие спасение свое да говорят непрестанно: «Велика Дева!»⁸

Вновь послышался утробный смех. Затем, помолчав, голос ответил:

– Моя госпожа куда ближе этой потаскухи, она живет в этом самом лесу!

– Стреляй! – прошипел Манфрид.

Несмотря на то что руки дрожали, Гегель выпустил болт на голос. В подлеске раздался шорох, и, пока Гегель неуклюже перезаряжал арбалет, Манфрид прислушивался, чтобы понять, куда перемещается незнакомец. Гегель наконец вновь поднял оружие, но вокруг царил тишина, если не считать ветра да их собственного громкого дыхания. А потом они услышали свистящий звук, точно хлыстом размахивали туда-сюда. Незнакомец, похоже, подобрался совсем близко и теперь скрывался у самого края светового круга от костра.

– Не по-христиански это, – пожаловался ночной гость. – Явились в мой дом и меня же и попытались убить.

– Что ты, вовсе нет, – отозвался Гегель. – У меня палец дрогнул.

Гость сдавленно захохотал, и этот смех встревожил их больше, чем голос, да и свистящий звук не добавлял спокойствия.

– Дрогнул, значит? Ну тогда совсем другое дело. В конце концов, путникам по ночам есть чего опасаться, особенно в лесной глуши, да еще так далеко в горах. Никогда ведь не знаешь, кто бродит в ночи.

– Это верно, – ответил Манфрид, мучительно понимая, что ему не нужно кричать, чтобы его услышали.

⁸ Манфрид перефразирует стих известного псалма. Ср. Псалтирь 39:17 «Да радуются и веселятся Тобою все ищущие Тебя и любящие спасение Твое, да говорят непрестанно: „Велик Господь!“».

– Ужасно, ужасно давно, – проговорил незнакомец, – не было у нас гостей, которые поговорили бы с нами.

– Правда? – переспросил Гегель, сглатывая и пытаясь вычислить в темноте, где стоит чужак.

– В большинстве своем они просто кричат, как дети, и пытаются сбежать.

Оба Гроссбарта ничего смешного в этих словах не нашли, а последовавший продолжительный смех серьезно помотал им нервы.

– Вот, мы говорим, – заметил Манфрид. – И бежать не собираемся. Если кто и сбежит, ставлю, что ты.

Гегель не сумел улыбнуться в ответ на слабую ухмылку брата.

– Ну да, так оно и есть, друг.

– Думается, я мог бы заставить вас побегать, – прорычал голос. – Но, бьюсь об заклад, вы убежали бы, если б не перепугались так, что только молиться да штаны пачкать смогли. И всего-то мне для этого надо – сделать еще пару шагов к костру. Ну что? Хотите, чтобы я вышел на свет? Честь по чести, я выхожу.

– Нет-нет, так согдится тоже, – быстро вмешался Гегель. – Тебе хорошо там, где ты, а нам хорошо там, где мы. Нет смысла... кхм... нет смысла...

– Вынуждать нас тебя убить, – закончил Манфрид фразу брата, но эти слова почти застряли у него в глотке.

Он был не какой-нибудь суеверный пентюх и знал, что темные твари являются ночью, особенно в глуши, куда редко заходят люди. Но все равно не стоило слишком переживать. Несмотря на студеной ночной воздух, по его лицу градом катился пот. Хохот, который донесся из темноты, заставил внутренности сжаться, а все тело – дрожать от нервного напряжения.

– Нет, этого допустить нельзя, – выдавил сквозь смех ночной гость. – Ни в коем случае.

– Так и знал, что он блефует, – прошептал Манфрид, но во рту у него пересохло, а лоб покрыли крупные капли пота.

– Нельзя, чтоб *вы* убили *меня*, это никуда не годится. Я ведь должен семью кормить, верно? – прохрипел незнакомец, но теперь голос зазвучал откуда-то сверху, из густых сосновых ветвей над головой.

Манфрид вдруг почувствовал тошноту и головокружение, поскольку даже его огромные уши не уловили никакого движения во мраке.

– Ага... – протянул Гегель, пытаясь заставить голос не дрожать, но все равно чувствовал себя странно и дурно.

Ведьмин глаз – если и вправду такой дар был ему дарован вместо обычной мирской интуиции, – гонял по телу холод, так, что вся кожа зудела и шла мурашками. Гроссбарт еле одолевал желание немедленно броситься прочь из этого, явно забытого Девой леса.

– Значит, решено, – наконец сказал Гегель.

– Верно, решено, – почти прошептал голос с дерева.

– Ты оставайся там, где сейчас, а мы останемся там, где мы сейчас, – подтвердил Гегель.

– Да.

– Хорошо, – выдохнул с облегчением Гегель.

– До утра.

– До утра? – Манфрид прикусил губу.

– Тогда я наброшусь на вас и обоих живьем сожру.

Впервые в жизни оба Гроссбарта лишились дара речи.

– Тогда и покричите, – продолжил голос громче, перекрывая вой ветра. – Будете умолять и рыдать, а я высосу мозг из костей прежде, чем вы умрете. Будете чувствовать, как кусочки ваших тел скользят мне в брюхо, когда они еще к вам прикреплены, а я буду носить вашу шкуру, когда погода переменится.

– Уф, – только и выдавил из себя Гегель, который выглядел не лучше, чем обитатели склепов, в которых братья зарабатывали на жизнь.

Манфрид вообще не мог издать ни звука, только выпучил глаза, огромные, как блюдца. Он шевелил губами, произносил молитву, но ни звука не было слышно. Уверенность в том, что ночной гость не представляет для них серьезной угрозы, покинула его. Манфриду хотелось плюнуть в рожу скрытому ветвями незнакомцу, сказать что-то настолько оскорбительное, чтобы даже его брат покраснел. В итоге он просто процитировал Гегеля:

– Уф.

Хохот обрушился на них сверху с такой силой, что следом посыпалась хвоя. Братья невольно отступали, и, когда коснулись друг друга плечами, оба подпрыгнули. Больше из темноты ничего не доносилось, кроме свистящего звука, который обоим казался смутно знакомым.

– Костер прогорает, – прошептал Гегель, когда тени удлинились на краю светового круга.

– Так подбрось дров, – огрызнулся Манфрид.

С тех пор, как смех затих на ветру, братья не сводили глаз с толстых ветвей над головой. Они не знали, прошли считанные минуты или часы, но продолжали вглядываться в лес, чтобы не пропустить движение. Первым сломался Гегель, но дрова в костер подбрасывал ногами, потому что не хотел выпускать из рук арбалет даже на мгновение.

– Прикрой мне зад, – буркнул Манфрид и вытащил второй арбалет. Натянув тетиву, он присоединился к брату. – Есть идея. Стреляем, как только его увидим.

Манфрид переключился на гортанный говор, который только его брат был в состоянии разобрать. Дядюшка приходил в ярость, когда братья так переговаривались, боялся, что они против него замышляют. И в этом довольно часто ошибался.

– Спору нет, – отозвался на том же диалекте Гегель.

– Надо раздуть костер и пролить больше света на все это дело, – объявил Манфрид лесу, вернувшись к обычному немецкому.

Манфрид подбросил еще несколько сучьев в ревущее пламя, а потом вдруг резко вскочил и метнул горящую ветку вверх. Гегель был наготове, но увидел лишь толстые отростки сосен. Когда горящая ветка упала обратно, братья чудом не подпалили себе бороды.

– Черт, – хором выругались Гроссбарты, Гегель при этом смотрел направо, Манфрид налево.

– Думаешь, это призрак? – спросил Гегель на их внутреннем языке.

– Скорее людоед, который пытается нас напугать, – ответил Манфрид.

– А что людоед делает в такой глуши?

– А ты как думаешь? Людей ест, он сам сказал.

– Странное дело: вроде он умный, говорить умеет, а жрет других людей вместо зверей, как положено. Только на это они и годятся.

Гегель покосился на Болвана, который успокоился, когда голос стих, и теперь мирно дремал у костра.

– Сухарики, которые в церкви лежат, – это людоедство. Еще и занудят тебя до смерти в процессе.

– Какие сухарики? В какой церкви? – переспросил Гегель.

– Да в любой. Их там едят, говорят, мол, это тело сына Марии, а вино – его кровь.

– А, ты про эту чушь. Помнишь, как мы украли все сухари и вино? Что ж мы теперь – людоеды?

– Черта с два! Священник нужен, чтобы их превратить в плоть и кровь.

– Колдовство! – заключил Гегель.

– Еще какое! Так и понимаешь, чист человек или нет. Честный человек никого другого есть не станет. Особенно родственника Девы Марии, каким бы вонючим боровом он ни был.

– Ты думаешь, что наш гость – просто еретик? – с облегчением спросил Гегель.

– Ага, ни больше ни меньше, – ответил Манфрид, который на самом деле не был в этом уверен, но не хотел пугать брата догадками. – К тому же, если он вправду не просто лунатик⁹, что ему мешает прямо сейчас наброситься на нас? Или раньше, пока я спал?

– Верно говоришь. Хочет небось страху нагнать, чтоб мы до самого утра глаз не сомкнули и ослабли к рассвету.

– Именно! – подхватил Манфрид, которого обрадовали здравые рассуждения Гегеля. – Любой дурак тебе скажет, что всякие нечистые твари бродят по ночам. Никогда не слышал, чтоб они предпочитали белый день, как обычные люди. Так что отдыхай пока, а я постою на часах.

– Даже слышать этого не хочу, братец. Моя смена только началась, когда я тебя разбудил. Я подежурю, а ты дремли пока.

– Ерунда. Я же вижу, как у тебя глаза запали, и вон губа дрожит, как всегда, когда ты устал до полусмерти.

Гегель попытался посмотреть на собственный рот, но круглый нос загораживал все, кроме кончика бороды. В итоге он неохотно улегся, потому что был слишком взвинчен, чтобы продолжать спорить. Его по-прежнему бросало то в жар, то в холод, но Гегель уже и сам не понимал, это от того, что за ними следил ночной гость, или просто от изнеможения. Несколько часов он притворялся спящим, но одним глазом следил за деревьями. Затем братья поменялись местами, и Манфрид стал изображать сон – еще менее убедительно, надо сказать. В ту ночь отдохнул лишь Конь. За час до рассвета Гроссбарты сели у костра с арбалетами наготове – оба слишком измотанные, чтобы разговаривать. А еще у них закончилась даже репа.

⁹ *Лунатик* – здесь сумасшедший, полоумный человек. В Средние века верили, что появление полной Луны может вызвать у человека приступ безумия. Источником этого убеждения стали рассуждения Аристотеля и Плиния Старшего о том, что, поскольку Луна обладает властью над водами, управляя приливами и отливами, а человеческий мозг, по большей части, состоит из воды, полная Луна должна оказывать влияние и на воду внутри головы, таким образом меняя поведение.

IV

Прискорбная утрата

Свет зари разгорался мучительно медленно, и, когда Конь взвизгнул, братья резко обернулись. Ничего не шевелилось в сумраке, только Болван бил копытом, тянул привязь и, выкашив глаза, пялился на что-то у них за спиной. Потом они снова услышали свистящий звук и медленно повернулись лицом к врагу.

Он сидел на низкой ветви в нескольких десятках шагов от них и шаловливо улыбался. Судя по редким и тонким волосам на сморщенной макушке, он уже разменял шестой десяток, однако зубы и глаза казались одинаково острыми и жестокими. Впрочем, внимание братьев было приковано отнюдь не к его лицу.

Ниже подбородка в нем не осталось ничего человеческого: тело напоминало скорее пантеру или леопарда, какие, говорят, водятся в безлюдных краях. Пятнистая шерсть поднялась дыбом, пучки разных оттенков выделялись на фоне участков голой кожи. Посвистывающий звук исходил от полысевшего хвоста, которым чудовище хлестало себя по бокам. Передние лапы свешивались с ветки, лениво выпуская и пряча кривые когти.

Гроссбарты были готовы к чему угодно, но, увы, их представление о чем угодно не предусматривало дикого кота размером с кабана и с человеческой, старческой головой. Конь продолжал повизгивать, больше ни единый звук не нарушал утреннюю тишину, пока чудовище и люди разглядывали друг друга в пробивавшемся сквозь лесной полог свете. Решительным движением зверь сел так, что все четыре лапы оказались на одной ветке.

– У-ух-х... – промямлил Гегель и неуверенно направил на него арбалет.

Манфрид мог только потрясенно пялиться на монстра.

Гегель вообразил, как они сейчас одновременно разрядят свои арбалеты и всадят по стреле в оба глаза жуткого создания. Оно повалится с дерева замертво, да еще шею себе свернет, ударившись о землю. Тогда они сдерут хитро сшитый плащ из шкур животных, а под ним окажется сморщенное, но решительно человеческое тело. Гроссбарт сглотнул и привел этот план в исполнение.

Гегель выстрелил, но его била такая крупная дрожь, что прицелиться было невозможно. Стрела пролетела мимо чудовища куда-то в лес. Манфрид тоже машинально дернул спуск, но даже не поднял арбалет, так что болт взбил облачко пыли у них под ногами. Старик ухмыльнулся еще шире и шагнул вперед по ветке.

Оставалось биться с чудовищем на земле. Нужно только сохранять спокойствие, и вдвоем у них вполне может получиться то, что было бы невозможно для одинокого путника. Но если дрогнут, оба погибнут. Ни один из братьев не надеялся, что это будет худшая смерть, какую можно вообразить. Выхода нет – нужно драться!

Братья завопили. И бросились бежать. В разные стороны.

В голове у Манфрида пылала одна мысль: выбраться из леса. Поскольку он бежал быстрее Гегеля, оставил бы брата позади, даже если бы тот не удрал в противоположном направлении. Манфрид видел деревья, кусты и даже ручей, но мельница его мыслей остановилась, и он сам превратился в зверя, который хотел спастись любой ценой.

Не нападение и не звуки погони, а внезапное осознание, что он остался один, привело Гроссбартов в чувство. На какое-то время они потеряли голову, но теперь поняли, что разделились, и за ними охотится жуткая тварь. Гегель не замедлил бега, но резко свернул влево и выхватил меч, заметив, что где-то уронил арбалет. Манфрид перепрыгнул через ручей и встал как вкопанный, глотая подступившую к горлу желчь. Медленно развернулся, чтобы увидеть преследователя.

Никого. Лишь ветер теребит верхушки сосен. Журчание воды притупило слух, в груди колело, и от каждого вдоха становилось хуже. Он по-прежнему сжимал в руках арбалет, но все стрелы остались в лагере. Топор выскользнул из петли на поясе, но, хвала Деве Марии, булава на месте. Дрожащей рукой Манфрид вытащил ее и тут же резко крутанулся на месте, чтобы встретить подкрадывающуюся сзади тварь. И снова увидел только густой лес. У Манфрида чуть не подогнулись колени, и он устоял, только опершись о замшелый ствол ближайшего дерева.

Нужно отыскать брата. Они поддались на уловку Дьявола, и, если Манфрид скоро не отыщет Гегеля, обоим придет конец. Но если начать кричать и звать его, можно привлечь чудовище.

Что-то плеснуло в ручье, и Манфрид подскочил в воздух. Он вертелся до тех пор, пока не закружилась голова, лишь бы враг не подобрался со спины. Только убедившись в собственном одиночестве, Манфрид решился заглянуть в ручей.

Он присел и выудил из воды кусочек металла. Дрожь сменилась дикими спазмами, когда он опознал часть уздечки Коня. За плечом послышался царапающий звук, Манфрид медленно обернулся и увидел его.

Старик неторопливо спускался по тому самому дереву, о которое Гроссбарт опирался минуту назад, лез прямо по голому стволу, вгоняя когти сквозь кору в древесину. Чудовище настолько не спешило, что даже подняло голову, чтобы улыбнуться Манфриду.

Манфрид хотел убежать, но поскользнулся на мху и свалился с берега в ручей, завопил что было мочи, молотя руками и ногами по воде, пока не выбрался на сушу с другой стороны. Чудовище по-кошачьи уселось напротив него за ручьем, продолжая бить себя по бокам хвостом.

«Гегель!» – раскатилось среди деревьев эхо, и тот остановился, пытаясь вычислить, откуда донесся крик. Либо брат орал неподалеку, либо природа лесной чащи усиливала эхо. Никаких звуков, кроме журчания воды рядом, не последовало, и Гегель вновь бросился в кусты, ведомый лишь чутьем.

Тварь прыгнула через ручей на Манфрида. Бормоча молитву Деве Марии, тот взмахнул булавой и даже задел кожу на голове старика, но чудовище пригнулось и сбило Гроссбарта с ног. К счастью, во рту у него росли все же человеческие зубы, так что укус только прорвал штанину да оставил кровоподтек на бедре, прежде чем тварь отскочила, чтобы уклониться от нового неуклюжего удара булавы.

Запрыгнув на ближайший валун, чудовище принялось наблюдать, как Манфрид пытается встать на ноги. Укус не нанес особого вреда, но, отпрыгивая, тварь распорола Гроссбарту икру когтями задней лапы. Когда он попытался встать, кровь хлынула рекой, но Манфрид все равно сумел подняться на колени и занести булаву. Он заорал на тварь, а та вновь бросилась на него.

Удар булавы пришелся чудовищу в плечо. Тварь покатила прочь, рассекая воздух когтями. Манфрид нашел в себе силы подняться, но понимал, что и в лучшем состоянии не смог бы убежать от монстра, а теперь в ноге мерзко пульсировала боль. Тварь вскочила и метнулась к нему, но остановилась почти на расстоянии удара, а затем принялась ходить вокруг человека, оглашая лес глухим, утробным рычанием.

Чудовище нырнуло за спину Манфриду, который из-за раненой ноги не смог вовремя развернуться, чтобы встретить удар. Тварь нацелилась разорвать ему сухожилия, но тут из-за деревьев с шумом выскочил Гегель, чем ошеломил обоих. Манфрид кувырком перекатился через чудовище и так избежал удара когтей. Тварь уклонилась от взмаха меча Гегеля, вновь перепрыгнула ручей и скрылась в лесу.

– Вставай, – прошипел Гегель, помогая брату подняться.

Манфрид сглотнул не в силах говорить.

– Бежать можешь?

Манфрид покачал головой и рукой указал на окровавленную ногу.

Гегель выругался, оглядываясь по сторонам.

– Перетяни, – наконец прохрипел Манфрид.

– Что?

– Ногу мою. Перетяни ее, и я смогу бежать.

Гегель в последний раз оглядел лес и опустил на колени. Три рваных раны проглядывали из-под разодранных штанов, прикрывавших волосатую икру брата. Стерев кровь, Гегель разорвал свою рубаху и перевязал ногу. По лесу вновь разнесся проклятый смех. К ужасу Гроссбартов, он шел из кустов прямо у них за спиной. Гегель был уверен, что стоит им выйти из леса на открытое пространство, и у обоих появится неплохой шанс уйти живыми, поскольку у твари не будет укрытий для засад. Он рысью потрусил вдоль ручья. Манфрид не отставал, несмотря на боль, которую вызывал каждый шаг.

Братья метнулись под сень деревьев и проломились сквозь кустарник, но уже через несколько минут осознали безнадежность бегства. Чудовище ждало их на пеньке у ручья впереди и даже не пыталось спрятаться. Однако осознать тщетность бегства и прекратить убегать – вещи разные, поэтому Гроссбарты ринулись в глубину леса, прочь от преследователя.

Задыхаясь и выпучив глаза, они начали спотыкаться о камни, покрытые сверху суглинком. Густая тисовая роща покрывала склон крутого оврага, и прежде чем один из братьев успел предостеречь другого, оба заскользили вниз по откосу. Примерно посередине склона они остановились, ухватившись за скользкие ветки, но, прежде чем успели восстановить равновесие, между ними из переплетения замшелых веток возникла тварь.

Гегель чуть не прыгнул со склона вниз головой, но замер, скорее от страха, что потом придется иметь дело с чудовищем в одиночку, чем от храбрости. Манфрид вцепился в толстый сук футах в десяти выше по склону. Переплетение ветвей и корней позволяло твари подобраться к нему сверху. Сужавшаяся к концу ветка прогнулась под весом чудовища точно над Манфридом. Вместо того чтобы рвануть вверх к быстрой смерти, Гроссбарт прыгнул к дереву пониже. Соскользнул мимо него и мимо брата, который бросился вдогонку так, что деревья затряслись вокруг.

На дне Манфрид встал на ноги, но в него врезался брат – оба были мокры от грязи и покрыты синяками от спуска по каменистому склону. Они проплясали несколько шагов, обхватив друг друга руками, чтобы не упасть. Наверху покачнулись деревья, и чудовище прыгнуло.

Гроссбарты оттолкнулись друг от друга, и оно приземлилось между братьями, а не на них. Даже перепуганные, измотанные и ошеломленные, Гегель и Манфрид не знали себе равных в такого рода уловках. Действуя чисто инстинктивно, они набросились на тварь, прежде чем она успела убраться из ловушки. Манфрид врезал ребристым наконечником булавы ей по ляжкам, а Гегель полоснул клинком по лицу, попал по переносице и глазам. Тварь при этом разодрала Гегелю руку, но он удержал меч, хотя тот и показался вмиг на сотню фунтов тяжелее.

Чудовище попыталось бежать вслепую, но булава Манфрида его остановила, и тварь лягнула Гроссбарта задними лапами. Чтобы избежать когтей, он выпустил оружие, но, как только враг метнулся прочь, за ним прыгнул Гегель, пытаясь ухватиться за булаву брата, которая торчала из спины чудовища. Меч отскочил от наконечника шестопера, который от удара вырвался из раны, но клинок Гегеля глубоко вошел в хребет твари.

Завалившись вперед, чудовище испустило определенно человеческий вопль. Гегель потрясенно уставился на то, как тварь начала подтягиваться на передних лапах и ползти вперед, несмотря на кровавое месиво, в которое превратилась нижняя часть ее тела, и расплосованное лицо. Рядом с ним возник Манфрид, заноса крупный камень, который вывернул из земли. По скрытому бородой лицу расплзлась довольная улыбка, когда он обрушил валун на лысоватую макушку чудовища. Тварь замерла и обгадилась, запачкав братьям сапоги. Они лучезарно ухмыльнулись друг другу, а потом ухватились за задние лапы и выволокли чудовище из кустов.

Где-то позади слышался громкий треск, но когда первый испуг миновал, братья поняли, что услышали гром. Сквозь лесной покров начал сыпаться мелкий снег. Они вытащили мертвую тварь на небольшую полянку. Манфрид подобрал булаву и поцеловал ее окровавленное навершие. С онемевшей правой руки Гегеля капала кровь, даже после того, как он неуклюже ее перевязал. Оба потыкали ногами в труп: первоначальная радость омрачилась жутким уродством твари.

– Четыре ноги, – пробормотал Гегель, – четыре, пропади они пропадом.

– Сходится, – согласился Манфрид, которому больше ничего не нужно было объяснять.

Некоторое время он молча разглядывал тело, потом отвернулся, и его стошнило. Гегель протянул руку, чтобы похлопать брата по спине, но заметил краем глаза нечто такое, от чего замер как вкопанный. Он повернулся обратно, и волосы у него на загривке встали дыбом.

– Марьины сиськи! – ахнул Гегель и ткнул брата в спину, вытаскивая меч. – Оно шевелится!

Манфрид поднял голову, попытался что-то сказать, но его опять стошнило. Липкая жижа продолжала литься у него изо рта, когда он уже неверным шагом двинулся к твари, вытаскивая булаву. И вправду – ее бока поднимались и опускались, а одна из лап начала взрывать землю.

Булавой Манфрид перевернул тварь на живот. Неглубокие раны у нее на спине выглядели куда менее серьезными, чем наверняка были, когда братья вытаскивали чудовище из кустов. Увидев это, Гегель обезумел. Он отрубил изуродованную голову и пинком отогнал прочь от истекавшего кровью обрубка, а затем принялся топтать череп ногами и не останавливался до тех пор, пока ничего человеческого в нем не осталось.

Гегель был так погружен в это занятие, что не видел происходящего с трупом, а Манфрид был так поражен, что не мог открыть рот. Изуродованные останки начали исходить паром, лапы втянулись, спина выгнулась дугой. В считанные мгновения стягивавшая их шкура превратилась в жирную бесцветную лужицу. Осталась лишь мускулатура и кости, но они казались землистыми и вязкими, как тесто. Шерсть вылезла и теперь плавала в луже, если не считать широкой полосы шкуры от плеч до таза, которая теперь лежала на омерзительных останках, точно не по мерке сшитый плащ. Этот обрывок сохранил свою странную расцветку, поблескивал черными и седыми, рыжими и светлыми шерстинками.

Оторвавшись наконец от растаптывания мозгов, Гегель бросил взгляд на жуткую кучу у ног Манфрида и выронил меч.

– Что ж ты сотворил? – пробормотал Гегель, на которого результат явно произвел сильное впечатление.

– Велика сила молитвы, – пожал плечами Манфрид.

– Я не хотел. Я не собирался... – Гегель сглотнул. – Не хотел поминать ее, хм, лоно всеу.

Манфрид отмахнулся, не сводя глаз с куска шкуры. Что-то в нем его заинтересовало. Наверное, то, как сочетались разные оттенки цвета. Гегель пристально смотрел на брата, пораженный тем, что упоминание груди Святой Девы осталось без комментария, какими бы ни были смягчающие обстоятельства.

Гегель прищурился, собрал волю в кулак и проговорил следующее богохульство:

– Марьяна мокрая жопа.

– Ага-а, – протянул Манфрид и наклонился, чтобы потрогать шкуру, проверить, настолько ли мех сухой и теплый, насколько ему показалось.

– Не трогай! – рявкнул Гегель, перехватив брата за запястье.

Манфрид оттолкнул его и вдруг почувствовал головокружение.

– Ты о чем вообще?

– Я о чем? Это ты о чем? Зачем ты собрался трогать эту мерзкую штуку?

Гегель не мог объяснить, чем эта идея ему была не по душе, но она ему всерьез не нравилась.

- Не знаю, – проворчал Манфريد, медленно поднимаясь. – Выглядит славно.
- Славно? Славно! Это гнилая старая шкура какого-то демона, а ты считаешь, что она красивая?!
- Да, пожалуй, и вправду шкура демона, – признал Манфريد, по-прежнему не сводя с нее глаз. – Наверное, мне не стоит ее трогать.
- Вот уж точно! – поддержал его Гегель, который в душе радовался, что брат не вспомнил, как он хулил Святую Деву.
- Нельзя ее просто так тут бросить, – заявил Манфريد, – а то найдет какой еретик и применит во зло.
- Как применит?
- Я же не еретик, откуда мне знать? Но они найдут ей применение, будь покоен. Наверное, нам лучше забрать ее с собой.
- Что за чертовщина? Никуда мы эту драную шкуру не потащим. Останется, где лежит. Манфريد встревоженно прикусил губу:
- Так не пойдет. Может, ее закопать?
- Звучит разумно, хотя, думаю, сжечь было бы лучше.
- Но тогда пришлось бы к ней прикоснуться, чтобы отнести в лагерь, – заметил Манфريد.
- Можем на веточке отнести.
- А вдруг веточка сломается, и она тебе на руку упадет?
- Ты же ровно этого и хотел минутой назад.
- Манфريد хмыкнул, по-прежнему гадая, мягкая шкура на ощупь или щетинистая.
- Можем тут развести огонь и сжечь, – предложил Гегель.
- А вдруг не сгорит.
- Что?!
- Сам подумай. Демоны-то выбирают из Пекла. Так что разумно предположить, что шкура у них огнеупорная. Иначе они никогда из Пекла не выбрались бы.
- Если это демон, – заметил Гегель.
- А что это, по-твоему, еще может быть?
- Больше похоже на тварь, про которую рассказывал Виктор из Австрии. Лю-гару¹⁰ или как-то так, – задумчиво проговорил Гегель.
- Лю-гару?
- Ага, такие ребята, которые превращаются в волков.
- Этот демон показался тебе волком?
- Ну вот придирааться не надо, – заметил Гегель. – Может, Нечистый его обманул и превратил в какую-то тварь. На кости глянь, больше на человеческие похоже, чем на кошачьи или демонические.
- Или волчьи.
- Я никогда не слыхал, чтобы демон предпочитал дневной свет лунному.
- Мантикора¹¹, – прошептал Манфريد и широко распахнул глаза.
- Это что такое?
- Чертова душа, братец, мы же убили мантикору! – воскликнул Манфريد и хлопнул Гегеля по плечу. – О них когда-то Адриан рассказывал.
- Который Адриан? Здоровяк Адриан?
- Нет, Крепыш Адриан. Крестьянин, с которым мы лагерем стояли два лета тому, ну, который предпочитал овец.

¹⁰ Лю-гару (фр. *loup garou*) – волк-оборотень, вервольф.

¹¹ Мантикора – популярное в средневековых bestiaries вымышленное существо, которое обычно изображалось с телом льва, головой человека и хвостом скорпиона.

– Здоровяк Адриан тоже был к ним равнодушен, как я помню. Думаешь, они родня?
– Возможно, – согласился Манфريد. – В общем, *Крепыши* Адриан говорил, дескать, его папы дедушкин дядин двоюродный брат – или другой какой-то родич – ушел в молодости в Арабию, и там было полным-полно мантикор.

Гегель нахмурился:

– То есть там, куда мы направляемся, этих тварей много?

– Да! Но мы-то теперь опытные.

– А почему я не помню, чтобы Адриан о них рассказывал?

– Пьян был, наверное. По-моему, он еще говорил, что они ядовитые.

Оба попятились на шаг от трупа.

– А шкура мантикоры горит? – спросил Гегель.

– Не знаю. Лучше закопать, чем рисковать. Если у нее шкура ядовитая, от огня пойдут пары и убьют нас намертво.

Братья выкопали неглубокую ямку и стащили шкуру с останков веткой. Гегель бросил ее следом за шкурой и закопал. Манфريد втихаря отошел к высокой сосне и вырезал на ее стволе ножом их знак: грубую литеру «G» – единственную букву, которую знали неграмотные братья. Если им когда-нибудь суждено вернуться в эти места, Манфريد хотел выкопать ее и посмотреть, утратила ли шкура блеск под землей.

Закончив возиться с каменистой почвой, Гегель в последний раз злобно взглянул на обезглавленный скелет и потрусил в направлении, где надеялся найти лагерь. Манфريد поспешил следом, хорошенько потрудившись над знаком на дереве. Однако Гегель заметил, чем занимался брат, и по дороге несколько раз притворялся, что уходит отлить, чтобы вырезать такие же литеры на других высоких соснах. Он не собирался сюда возвращаться, но лучше дуть на воду, когда на кону бессмертная душа. Гегель давно выучил, что его брат иногда заикливается на вещах, которыми лучше не заниматься.

В конце концов они нашли ручей, берега которого уже покрывала снежная крупа, а оттуда добрались до места, где Манфريد бросил свой арбалет. Еще час Гроссбарты прочесывали кусты, пока не отыскали топор, а уж оттуда и лагерь стало видно. Мертвый Конь лежал на месте: демон выпустил ему кишки и изуродовал голову. Их имущество было раскидано по земле, и чудовище потрудились помочиться на одеяла, так что от аммиачного зловония у братьев свело пустые желудки.

Гроссбарты никак не могли прийти в себя. Они раздули угли в кострище, подбросили дров и уселись под падающим снегом, не обращая внимания на далекий рокот грома и на холодный воздух. Гегель не терял времени даром: разделал ноги Болвана и насадил на вертел куски свежего мяса. Он не тронул те области, где остались отметины когтей, и сильно разозлился, увидев, что тварь исполосовала голову. Он хотел получить зельц, но не настолько, чтобы рисковать отравлением.

Манфريد помог брату освежевать Коня, растягивая большие полосы шкуры у огня, чтобы сушились. Они уже сожгли зловонные одеяла, чистым осталось всего одно. Мясо елось куда лучше, чем репа, и вскоре оба Гроссбарта почувствовали себя заметно бодрее.

Снегопад и бессильный гром улеглись, а свет померк, оставив братьев в сырой темноте. Ни тот, ни другой не нашли в себе сил поддерживать огонь ночью, не говоря уже о том, чтобы сторожить, но Гегель несколько раз просыпался от лютого холода и механически раздувал огонь в костре. Незадолго до зари он сел и принялся есть, размышляя о событиях предыдущего дня. Кто бы это ни был – оборотень, демон или мантикора, братьям явно удалось загнать его обратно в Преисподнюю. Когда в первых лучах рассвета возобновился снегопад, он начал будить брата, чтобы переговорить с ним о том, что некоторые вещи лучше не трогать. Однако, несмотря на все усилия Гегеля, Манфريد не шевельнулся. Он вообще не очнулся: пробитое стрелой ухо вновь кровоточило и воспалилось, открыв дорогу смертной лихорадке.

V

Другую щеку

– Смерть, – проговорил священник, – не конец, Генрих. Ты ведь это знаешь.

– Знаю?

Генрих пошевелил пальцами ног в тесных туфлях, которые ему отдал Эгон. После ночи, проведенной в мокрой грязи с клубнем репы во рту, он был, конечно, очень рад сухой одежде, но плотник не сумел дать Генриху те две вещи, которых крестьянин на самом деле жаждал. То, что остальные присяжные не вернулись, не удивляло Генриха, который на своей шкуре испытал, на что способны Гроссбарты.

– Пережить своих родных и близких – величайшее испытание нашей веры. И хотя эта утрата – самая тяжелая, но она и не первая в твоей жизни, – мягко продолжил священник. – Мертворожденное дитя и тот, второй, младенец...

– Оба были мертворожденными, отец, – буркнул Генрих и мрачно покосился на него. – А как же Герти, Бреннен и мои девочки? Давненько мы вас у себя не видели. Что, если...

Генрих подавился словами и подумал о вечном проклятии.

– Генрих, – проговорил священник. – Мы об этом уже говорили. Вряд ли твоя жена или дети совершили такие прегрешения, которые потребовали бы моего вмешательства!

– Что вы сказали? – Генрих почувствовал, как мороз бежит по коже, поднимаясь от стоп к животу. – Грехи, которые потребовали вмешательства?

– Я сказал, что вряд ли они совершили такие дурные деяния, чтобы обречь свою душу на вечные муки, если только священник не отпустит их грехи. У всех нас есть свои маленькие причуды, но Господь добр и... Что ты делаешь?

Священник удивленно моргнул, когда Генрих вскочил на ноги. Скорбящий крестьянин бросился прямо к столу Эгона и схватил нож. Священник хотел было звать Эгона и его жену обратно в домик плотника, но Генрих обернулся.

– Отпущение. Покаяние. Прощение, – срывающимся голосом проговорил Генрих, потрясая ножом перед лицом священника. – Говорите, есть такой выход?

– Выход? Генрих, положи нож...

– Ах да.

Генрих присел и начал, скрипя зубами от натуги, кромсать свои грязные кожаные штаны, лежавшие у двери, но все равно не сводил глаз со священника.

– Если они найдут кого-то из вас, исповедаются, исполнят епитимью, они будут прощены. Это ты мне говоришь?

– Кхм, – замялся священник. – Ну...

– Вот как, значит? – Генрих поднялся, заворачивая нож в полоску кожи, отрезанную от штанов, а потом бросил клинок в единственный карман на своей рубахе. – Тогда мне пора в путь, отец.

– Что? – Священник начал нервно пятиться к двери от наступавшего Генриха. – Куда же ты...

– Думаете, я забуду? Думаете, прощу? – Генрих яростно посмотрел на священника, который уперся спиной в деревянную дверь. – Извините, меня ждет работа.

Скользнув в сторону, чтобы пропустить крестьянина, священник подождал, пока тот распахнул дверь и вышел на дневной свет, прежде чем пойти следом. Священник почувствовал, что в душе Генриха что-то переменилось, и справедливо заподозрил, что нужно действовать быстро, иначе один грех может породить другой. Старший сын Эгона столкнулся со святым

отцом в дверях, и тот увидел, как Эгон о чем-то спорит с Генрихом во дворе, а от своих домов рядом с усадьбой подходят другие горожане.

– Что он задумал? – спросил паренек. – Выглядит хуже, чем в то утро, когда...

– Тс-с-с, мальчик мой, – перебил его священник, который в лучах солнца и в присутствии свидетелей вновь почувствовал себя храбрее. – Эй, Генрих, а ну, стой!

Генрих и Эгон повернулись к священнику, вокруг них уже образовалась небольшая толпа. Среди пришедших были родственники присяжных, которых Гроссбарты убили в горах. Священник и крестьянин расположились по разные стороны двора, и клирик почувствовал, что сейчас у него появится возможность пристыдить Генриха у всех на глазах и тем заставить покориться.

– Я знаю, что ты замышляешь! – воскликнул священник, обращаясь к жителям городка в той же степени, что и к Генриху. – Ты хочешь справедливости! Как и все мы, верно? Но ты рискуешь блаженством собственной души, когда пытаешься взять на себя труд Господа!

– А ты, значит, не берешь на себя каждый божий день труд Господа? – парировал Генрих, и при этих словах многие его соседи ахнули. – Я одного хочу добиться: перехватить Гроссбартов до того, как они доберутся до священника и получают отпущение. Нет для таких, как они, места на Небесах, и я – лишь орудие Божьей воли.

– Так?! Генрих, тебя обуяли горе, гнев и гордыня, ужасный грех – так себя называть! Дай Господу судить и карать, не рискуй собственной душой!

– Мне понадобится ваша помощь, – сказал Генрих, отвернувшись от священника к горожанам, стоявшим с побелевшими лицами. – У меня нет больше ни коня, ни одеял, ни еды, ни оружия – все забрали Гроссбарты. Но, клянусь, я костями лягу, но отправлю братьев к их истинному господину. Хана, твой Гунтер...

– Мой Гунтер, – прошипела зареванная вдова, – из-за тебя погиб!

– Из-за меня? – Генрих почувствовал себя так, будто женщина пнула его в живот. – Нет, я ведь...

– Рыдал, умолял и выл, просил воздать по заслугам! Положился бы ты на Господа, так и муж мой не ушел бы с остальными, и его бы не погубили эти дьяволы!

– Хана... – взмолился Генрих. – Я же хотел поехать с ними! Я знаю, чего стоят Гроссбарты, лучше всех вас и мог бы... – Он замолк, увидев холодные взгляды соседей, застывшие лица, надутые щеки. Склонив голову еще ниже, Генрих чуть не поперхнулся, когда сказал: – Прошу вас.

Никто ничего не ответил, некоторые начали расходиться по домам.

– Лучше иди, – прошептал Эгон, и Генрих сморгнул слезы, пытаясь постичь, как вышло, что все винят его, а не гнусных Гроссбартов. – Я тебя понимаю, хоть остальные и не поняли. Я тебя отвезу так далеко, как смогу, хорошо?

– Я ее куплю, – сказал Генрих, когда они отвернулись от безмолвных обвиняющих взглядов. – Все свое поле тебе отдам. Сам знаешь, это отличная цена.

– Прости, Генрих, – проговорил Эгон и остановился, уставившись в землю, когда они обошли его домишко и оказались рядом с привязанной кобылой. – Ты ведь не хуже других знаешь, что у нас теперь меньше лошадей, чем было несколько дней тому, не только мне эта крошка понадобится. Но пока они...

Эгон замялся, откашлялся и утер глаза, чтобы отогнать ужасное воспоминание, прежде чем смог продолжить:

– Когда эти братья делали свое черное дело, я перерезал привязь коням Ганса и Гельмута, отпустил их, так что, может, мы найдем на дороге одного из них.

Генрих кивнул. Он отлично понимал, почему Эгон не хочет продавать свою единственную лошадь, когда до посевной всего-то зима осталась.

– А если коней не найдем, – продолжил Эгон, – что ж, я тебя вывезу точно на большак, к которому они, наверное, двинутся. Получишь небольшое преимущество, они ведь свернули в горы по старой охотничьей тропе, срезать решили. Но я-то знаю, что эта дорожка никуда не ведет, им еще много дней, если не недель топтать, пока выйдут на настоящий тракт. Если, конечно, они отправились на юг.

Больше им нечего было сказать по этому поводу. Генрих не понимал, как можно обвинить его в том, что произошло за последние несколько дней. Он взобрался на лошадь так, чтобы сесть позади своего последнего друга, и, объехав дом, они направились к южной дороге. По пути их перехватил сын Эгона с мешком репы, а потом они ускакали. Генрих его даже не поблагодарил. Он только и мог думать, что проклятых братьев не догнать без собственной лошади.

VI

Зубы дареного коня

Манфрид дрожал и обливался потом: чувствуя приближение смерти, мозг одарил его приличествующими ситуации кошмарами. Мантикора гналась за ним по сужавшимся пещерным переходам, где у Манфрида не было ни оружия, ни веры, ни брата. Не суждено ему вынести на свет из пустынных гробниц жемчуга, только борода его будет продолжать расти в могиле.

За этот день Гегель десяток раз чуть не уронил больного брата, когда поскользнулся на мху и гнили, но продолжал волочить его через сумрачный лес. Гегель решил, что рожденные в глубинных полостях миазмы поразили Манфрида, не допуская мысли о яде манतिकоры. Таким образом, нужно выбраться на вершину холма или горы, где ветра не позволят скапливаться чумным парам.

Оба Гроссбарта едва не умерли от чумы, когда им сравнялось десять, так что Гегель знал симптомы, равно как и надежное средство для лечения: поскольку Манфрид еще не покрылся бубонами, его могли спасти чистый воздух и молитва. Матери это наверняка было известно, вот почему она отвела их в полуразрушенную лачугу высоко в горах и бросила там, когда их телесные гуморы омрачились болезнью.

Гегель тащил за собой задубевшую шкуру Болвана за его же поводья, но тяжкий вес брата на плечах заставил оставить в лагере большую часть мяса. Тяжело дыша, Гегель ковылял вверх по течению ручья, заключив, что это самый верный способ забраться повыше. Останавливаясь, только когда чуть не падал от изнеможения, Гегель продвигался вперед. От физических усилий по его раненой правой руке тек уже не только пот. В этом жутком лесу полдень так и не наступил: следом за утром сразу пришел вечер. Снегопад усилился, а под грузом обмякшего тела брата плечи Гегеля сотрясались от настырного кашля.

Когда дневной свет почти померк, а лес вокруг стал гуще, Гегель уложил умирающего брата на землю и повалился рядом, отхаркивая мокроту. Он зажал Манфриду нос двумя пальцами и влил ему в глотку воды. Затем безуспешно попытался заставить брата проглотить кусочек конины, которую предварительно разжевал. Гегель набрал валежника, но пальцы онемели, и Гроссбарт с горечью понял, что пар у него изо рта идет куда сильнее, чем дымок, который ему удастся выжать из мокрых дров. Вернувшись к присыпанному снегом брату, Гегель начал молиться.

Жалкий огонек, который ему удалось развести, шипел и потрескивал, но, как ни старался Гегель, толстые ветки отказывались заниматься. Вскоре костер задохнулся под густым покровом снега. Когда Гегель поднял голову, чтобы проклясть небеса, его острый взгляд приметил вдали красноватый отсвет. Он задержал дыхание в ужасе, что это отблеск его собственного жалкого костерка на мокрой листве, и вперился в лес. На подгибающихся ногах сделал несколько шагов вперед, прищурился. От широкой ухмылки порез на щеке снова разошелся, так что кровь начала капать на бороду.

Поспешно собрав немногочисленные припасы и взвалив на плечи брата, Гегель двинулся через кустарник. Он ничего не видел, кроме белой завесы снега вокруг и призывного огонька вдали. Выбрался на прогалину и, спотыкаясь, ринулся вперед, избавившись от корней и веток, которые прежде путались под ногами. Гегель уже мог различить крышу, стены и единственное окошко, мерцавшее в черно-белой ночи. Он боялся, что это обманный болотный огонек или что похуже, но, хвала Пресвятой Деве, из снега и тьмы выступила хижина.

Не опуская брата на землю, он ударил здоровой рукой по хлипкой двери и заорал:

– Открывай! Тут больной человек, открывай! Открывай, во имя Девы Марии и всех святых!

Ничего. Ни звука, лишь тяжелое дыхание самих братьев. Манфрид застонал во сне, и Гегель снова ударил кулаком в дверь.

– Открывай, или дверь высажу, – заревел он. – Дай нам приют, или, клянусь Святой Девой, я его сам возьму!

У двери раздались шаркающие шаги. Послышался голос – такой слабый, что чуть не потонул во всхлипах Манфрида. Гегель даже не разобрал, принадлежал он мужчине или женщине, ребенку или старику.

– Сперва дай слово, – прошептали из-за двери, – что не причинишь зла, иначе пусть душа твоя почернеет на все времена.

Гегель чуть не лопался от нетерпения и потому закричал еще громче:

– Ясное дело, что я не злодей! Открывай!

– И не сотворишь нечестия, не причинишь вреда?

– Будет тебе полно нечестия, если не вступишь нас сейчас же!

– Дай слово.

– Даю – свое и своего брата, и Девы Марии, и ее чокнутого сынка – только открывай!

– Что-что ты о Христе сказал?

– А? Да ничего!

– Успокойся, но помни свое слово.

Деревянный засов отодвинулся, и дверь толчком распахнулась наружу. Когда Гегель ввалился внутрь, яркий свет ослепил его, так что Гроссбарт перевернул маленький столик. Громко топая, Гегель уложил Манфрида на землю. В затхлом воздухе хижины стоял густой запах скисшего молока и застарелого пота. Дверь закрылась позади братьев, и щеколда легла на место. Гегель резко развернулся, чтобы взглянуть на человека, который, быть может, погубил его брата, заставив умирающего так долго ждать под снегом.

В ответ на Гегеля уставилась самая старая женщина, какую он видел в жизни, никак не меньше шестидесяти лет. Отличить ее от мужчины можно было разве что по отсутствию бороды, поскольку иных отличий ее морщинистое сухое лицо не выдавало. Старуха была практически лысой, лишь кое-где пробивались призрачные пряди седых волос. Обрюзгшее, в отличие от худого лица, тело прикрывали лохмотья. Убийца мантикоры и победитель псов Гегель попятился от жуткой карги.

Та ухмыльнулась, так что показались черные зубы и воспаленные десны:

– Добро пожаловать.

– С-спасибо, – выдавил из себя Гегель.

– Тяжкая ночь для путника? – спросила старуха, и ее глаза блеснули в отблесках огня.

– Бывало и хуже. А вот брату моему совсем нехорошо.

– Это я и сама вижу, – буркнула карга, но взгляда от Гегеля не отвела.

– Заразу подхватил в лесу.

Все тело Гегеля гудело – то ли от смены температуры, то ли от ее присутствия, он и сам не понимал, от чего именно.

– Вот как? Где ж он заразу в лесу нашел?

– Ну, *ту самую* заразу. Чуму. Знаешь, с бубонами?

– Черные наросты у него вылезли?

– Еще нет, он...

Гегель запнулся, когда старуха резко выбросила вперед руку и ткнула пальцем в его раненое лицо. Гроссбарт схватился за меч, но взгляд карги удержал оружие в ножнах. Он в ужасе смотрел, как старуха слизывает кровь с пальца и пробует на вкус.

– Нет, не то, – пробормотала она, – нет-нет, другую смерть он подхватил, это точно.

– Он еще не умер, – заявил Гегель, поворачиваясь к Манфриду.

Вдоль стен хижины теснились полки с бутылками, кувшинами, грудями костей и перьев, а с потолка свисало не меньше сотни пучков каких-то растений и рваных тряпок. Очаг в глубине наполнял комнату едким сосновым запахом, который маскировал болезненную вонь старухи. Маленькая дыра в потолке, из которой капала талая вода, не могла выпустить весь дым. Перед очагом стояло пустое кресло, в одном углу комнаты громоздилась груда тряпья, в другом – небольшая поленица.

Гегель подтащил брата к очагу. Манфрид был бледен, но кожа его горела, а все тело сотрясали судороги. Карга склонилась над ними обоими, тихонько цокая языком.

– Вот так заразу он подхватил, заслуженную кару! – язвительно процедила она.

Рука Гегеля вновь потянулась к мечу, но старуха остановила ее словами:

– Успокойся, Гроссбарт, помни свое обещание.

– За собой следи, – прошипел Гегель, – стерва.

Она захихикала – так, как умеют только старухи.

– Погоди-ка, – сглотнул Гегель, у которого волосы на загривке вдруг встали дыбом. – Откуда ты знаешь, как нас зовут?

– Как по мне, бороды у вас большие, – ответила карга. – Ты сам разве не зовешь вещь по тому, на что она больше всего похожа? Зови пса псом, а зверя зверем, да?

– Ну, наверное, – недоверчиво протянул Гегель.

– Твой брат умирает, – сказала старуха, и в ее голосе Гегель не услышал подобающей скорби.

– Может, и так, а может, иначе. Ты на цирюльника не похожа, так лучше думай, что несешь.

– Что ж, Гроссбарт, – отозвалась карга, – верно, я не цирюльник – я лучше! Цирюльник этому человеку ничем не поможет, только на повозку его бросит, на поживу воронью. А вот я могу помочь, если захочу.

Гегель шагнул к ней, задев головой пучок сушеной белладонны:

– На твоём месте я бы захотел поторопиться.

– Угроза в словах, угроза в глазах.

– Ты...

– Осторожнее. Я подлатаю твоего брата, да и тебя самого, если сделаешь, что скажу.

– Что у нас есть, чего ты хочешь?

– Ничего особенного, ничего редкостного. Только то, что у всех мужчин есть, отросточек, которого не хватает всем нам, слабым женщинам.

Гегель не сразу понял, что она имеет в виду, но когда осознал, отшатнулся:

– Я тебе этого дать не смогу, даже если б захотел.

– Да? Даже ради брата?

Гегель прикусил губу, раздумывая, не убить ли старуху на месте. Потом прикинул, что это наилучший выход, дважды сплюнул и сказал:

– Понимаешь, я же непорочный...

– Тем лучше!

– Я же не умею...

– Я тебя научу, это дело простое.

– Я же...

– Ну?

– Только когда ты его подлечишь.

Старуха снова заревела:

– Думаешь, я тебе доверяю, Гроссбарт? Думаешь, я не знаю, что ты задумал? Не бойся, это дело быстрое, и даже не такое неприятное, как тебе кажется.

– Сомневаюсь. Чем поручишься, что ты вообще можешь его вылечить?

– Поручусь своей клятвой, как ты – своей. Я могу подсластить его раны, как могу подсластить и тебе сделку.

Старуха похотливо подтянула лохмотья на бедрах, так что открылась сложная сеть вен, выступавших под сморщенной кожей. Гегель почувал, как сильный кислый запах пересилил дым из очага, съеденная конина тут же попросилась обратно, но Гроссбарт сглотнул и удержал ее.

– Я же говорил, – с отвращением процедил он, – кабы мог, пожалуйста, но я не могу, вот и весь сказ.

Карга отвернулась и стала рыться среди склянок на полке, выпятив зад в его сторону. Наконец она снова повернулась к Гегелю, торжествующе потрясая пыльным сосудом, заткнутым полусгнившей тряпкой. Вытащив затычку, она протянула его Гроссбарту.

– Вылей это себе в глотку.

Ее глаза блеснули.

– Дай слово, что это не яд!

– Даю-даю, – отмахнулась старуха.

– Что это?

– Хорошее питье. Такое, что ты точно сможешь. Проклятье, да ты даже захочешь!

Гегель уставился на бутылочку. Интуиция подсказывала ему, что нужно немедленно бросить ее в огонь и проткнуть старуху мечом, несмотря на состояние Манфрида. Он не сомневался, что душа брата попадет на небеса, но беспокоился о собственном теле. В конце концов, гордость не позволила ему выбрать путь труса. Поэтому Гегель помолился Деве Марии и опорожнил склянку, содержимое которой оставило у него на языке привкус гнилых грибов.

Комната вокруг завертелась, бутылочка разбилась о камни, а глаза заполонил желтый туман. Гегель повернулся к хозяйке хижины, чтобы сообщить ей, что никакая грибная водичка не заставит его ничего захотеть, но тут дыхание у него перехватило, и от паха во все стороны побежала дрожь. Старуха откинулась на спинку кресла, но одну ногу поставила на перевернутое ведро, так что пламя очага высветило бедро цвета козьего молока. Сладострастный изгиб ее тонких губ, уязвимость и страсть в белесых очах, шишковатые пальцы, что дрожали сейчас у нее между ног, тонкий вздох, который она испустила, выдвинув таз вперед, навстречу пальцам – Гегель ощутил в штанах почти что боль и опустил руку, чтобы устранить источник неприятного чувства.

После того, как Гегель выпил отвар, карга ничуть не изменилась, но он уже забыл такие простые вещи, как запрет, который его вера налагала на плотские утехы, или презрение и отвращение, каким в обществе принято было одаривать всех женщин, достигших зрелости более десяти лет назад. Он просто увидел в ней естественную красоту, пусть и вызревавшую годами. Упав на колени в знак раскаяния, Гегель пополз к хозяйке дома, которая раскинула ноги на кресле так, чтобы гостю было удобно. Приятный аромат козьего сыра поднимался между ее рыхлых, мраморно-синих бедер и щекотал его круглый нос, который, в свою очередь, вскоре принялся щекотать ее лобок.левой рукой он откинул в сторону лохмотья, а правой пытался развязать свой пояс.

Снаружи ее кожа была холодной, так что язык Гегеля чуть не застрял в ее ледяных складках, и белый пар, вырывавшийся из его рта, смешивался с бледными облачками из носа. Она терпеливо помогала ему, покуда Гегель не испустил дрожащий вздох, когда освежающая, живая влага охладила его горящую глотку, а затем сползла с кресла на пол и толчком уложила его на спину. Ощувив свой вкус в его поцелуе, она уселась на его черенок, и он принялся пахтать ее колодец. Его грубые руки с удивительной нежностью касались ее тела, когда она вела его пальцы от груди ко рту, к заду, а затем обратно.

– Как тебя зовут? – прохрипел Гегель, которому отчаянно хотелось это узнать, прежде чем он окончательно потеряет себя. Он понимал, что готовится что-то важное, и почему-то чувствовал необходимость узнать имя прежде, чем все закончится. – Прошу, скажи!

– Зови меня Марией, – ухмыльнулась она и вновь взяла в рот его указательный палец, продолжая тереться об него.

Гегель кончил быстро, но она продолжала двигаться, когда он остановился, и, прежде чем Гроссбарт успел возразить или утратить крепость, его морщинистая возлюбленная прибегла к приему, который заставил бы даже самую опытную шлюху во всей Священной Римской империи пораженно почесать в затылке, и вскоре добила желаемого. Возгоревшийся новым пылом Гегель не дал ей роздыху и вновь принялся за дело. Не сводивший глаз с маленького пятнышка шоколадного цвета, которое то и дело показывалось из-под складок кожи у нее на шее, Гегель не мог предвидеть, как внезапно закончится действие отвара и вернуться его прежние убеждения и взгляды.

Он подтянул ее ближе, их языки сплелись до самого высшего мига. Затем они отстранились друг от друга, их губы соединил мостик слюны, а перед глазами Гегеля вместо небесной Марии предстала уродливая старая ведьма.

Усохшие груди качнулись из стороны в сторону, язык мелькнул между нескольких уцелевших зубов и разорвал нитку слюны. Гегель сжался от ужаса и кончил в ее холодную липкость; заорал, когда понял, что его околдовали, и рванулся прочь от ведьмы, врезавшись головой в перевернутый столик. Одновременно в глазах потемнело, и его стошнило, а жестокий хохот старухи провожал его в ночные кошмары, которые не могли и надеяться на сравнение с его первым сексуальным опытом.

Гегель, как мог, держался в бессознательном состоянии, но в конце концов вокруг опять возникла тесная комната. Он сел и заметил, что карга склонилась над его братом. Поднимаясь на ноги, он бесшумно обнажил меч. «Ведьма, – подумал он, – ведьма, ведьма, ведьма!»

Не оборачиваясь, она сказала:

– Он ужасно скоро умрет, если я не закончу свою работу.

Гегель закричал зубами, закрыл глаза и долго стоял неподвижно. Наконец он выпалил:

– Если он не поправится ужасно скоро, я тебя выпотрошу.

– Честь по чести.

– Ты ведьма.

– Проницательный какой.

– Дьяволопоклонница.

Она повернулась, сжимая в руке иглу цвета ржавчины:

– Не так ты меня раньше называл.

– Ты меня обманула!

– Ты согласился уплатить эту цену, Гроссбарт. Из доброты душевной я тебе подсластила ее, чтоб ты так же потешился, как и я, а теперь ты корчишь из себя хорошего мальчика.

И старуха игриво ему подмигнула.

– Ведьма.

– У тебя утробный сок на метле половой сохнет, – бросила она, указывая на бороду Гегеля.

– Ведьма!

– Ой, да брось. Ты и сам-то не монах, любовничек.

– Еще раз так меня назовешь, и все мы окажемся в аду до рассвета.

– Эх, какое искушение, какое искушение. А теперь спрячь-ка свою тыкалку, кобелек мой похотливый.

И ведьма принялась зашивать Манфрида.

Гегель почувствовал, как холодный сквозняк коснулся нижней части его тела, покраснел и быстро спрятал оба своих инструмента. Он рухнул в кресло. Кишки в животе болезненно сжимались от ее слов и собственных воспоминаний. Моргнув, он взглянул в окно и увидел,

что пришел день, а снегопад закончился. Гегель поднялся и вышел на двор, чтобы опорожнить кишечник.

Справив нужду, он вернулся и присел рядом с ведьмой над телом брата. Манфрид дышал уже не так натужно, его лоб не обжигал руку и не казался холодным как камень. Старуха обкорнала большую часть его правого уха: отрезанные, почерневшие кусочки уже сушились у очага. К ноге и уху Манфрида карга примотала примочки, теперь его грудь ритмично поднималась и опускалась.

– Это все, что надо сделать? – спросил Гегель.

– С тобой пришлось повозиться дольше, но борода шрамы прикроет.

– А?

Гегель потрогал свое лицо и с удивлением обнаружил следы какой-то мази на рассеченной щеке, а под ними – швы. Половина лица у него онемела. Продолжив обследование, Гегель почувствовал мазь и на прокушенном псом ухе и коже, а также швы на изодранной мантикорой руке и укушенной собакой ноге.

– Когда ты успела это сделать?

– Прошлой ночью. Пришлось открыть старый укус у тебя на лодыжке, чтоб гной выпустить, иначе почернела бы да сгнила через неделю.

– Уф, – только и сказал Гегель вместо «спасибо»: благодарности от него эта ведьма не дожидется. – Только и всего? Заштопала нас, будто рваную рубаху? Что за ведовство такое?

– Гегель, – застонал во сне Манфрид, хлопая рукой по полу.

– Я здесь, брат, – отозвался Гегель, забыв, о чем хотел расспросить каргу.

Манфрид открыл один покрасневший глаз и схватил брата за руку.

– Мантикора, – прошипел он и снова потерял сознание.

– Что это он сказал? – поинтересовалась ведьма.

– Не твое дело.

– Честь по чести. На, поешь-ка.

Старуха поставила рядом с Гегелем миску с тушеным мясом.

– Не буду есть ничего, чего ты касалась, ведьма. Может, это отравка.

– Цыц. Ты уже попробовал самое мерзкое в этом доме.

Она захихикала и уселась в кресло.

Гегель неохотно принялся за еду. В процессе он все время переводил взгляд с ведьмы на Манфрида и обратно. Наконец он спросил:

– Скоро он сможет встать?

– Мои умения лучше будут, чем у цирюльника, я тебе говорила. До завтра оклемается, а если нет, до послезавтра.

– Уф.

Гегель не хотел лишнего мгновения провести рядом с ней, уже не говоря о целой ночи. День тянулся мучительно медленно, а с наступлением темноты возобновился снегопад. Он вышел на двор и набрал дров, чтобы уложить в поленницу внутри хижины, а потом Манфрид вдруг сел, проглотил четыре миски тушеного мяса и снова уснул, не проронив ни слова.

– Не хочешь чего-то сладенького, чтоб согреться? – жеманно поинтересовалась ведьма, когда на горы опустилась ночь.

– Закрой капкан, пока я его не спустил, – огрызнулся Гегель, надеясь заставить ее замолчать.

– А, вижу, какие тебе грязные мысли в голову лезут. Но нет, дорогой мой, с тебя уж хватит. Ты меня всю истолок да измочалил.

– Я сказал... – начал было Гегель, но вдруг увидел бутылку, которую ему протягивала старуха, и решил не спешить с выводами. Он осторожно понюхал горлышко и сжался от восторга

и облегчения, почуяв знакомый запах медовухи. – Если ты туда другой дряни подмешала, я тебе голову отрублю и сожгу ее, ведьма.

– Обещаешь?

– Обещаю.

– Пей.

Перекрестившись, Гегель чуть отхлебнул, а затем сделал глоток побольше. На вкус вышло немного крепче, чем другие медовые настойки, какие ему доводилось пробовать, так что Гроссбарт жадно присосался к бутылке. Из чувства справедливости он закрыл Манфриду нос и влил брату в глотку спиртное. То, что больной Манфрид не захлебнулся медовухой, послужило лишним доказательством ее высокого качества. Гегель прикинулся, будто не замечает, как ведьма смотрит на него, но расслабиться не мог.

– Что? – наконец зарычал Гегель, изо всех сил пытаясь вложить в голос угрозу.

– Если я тебе кое-что расскажу, даешь слово, что не схватишься за меч?

– Ничего я тебе обещать не буду.

– Ну и хорошо.

Время тянулось, и чем больше Гегель пил, тем больше его грызло любопытство, точно крыса – зерно в мешке. Он ерзал на месте и почесывался. Проверял состояние брата до тех пор, пока Манфрид не сумел выдать несколько грязных ругательств и не попытался его неуклюже ударить. Он вышел на двор и помочился, долго смотрел на снег, а потом вернулся внутрь и снова принялся ерзать. И сказал наконец:

– Так о чем речь?

– А руки будешь держать при себе?

– Только если ты сама рук не распустишь, – фыркнул Гегель.

– Честь по чести. Даешь, значит, слово?

Помолчав, он ответил:

– Даю слово.

Ведьма начала говорить и говорила, наверное, целую вечность. Гегель сел у огня и тихо радовался, что она на время забыла о своих омерзительных поползновениях. Сытый, согретый и пьяный грабитель могил слушал ее рассказ, иногда оживляясь, иногда задремывая. Манфрид порой шевелился во сне и здоровым ухом услышал достаточно, чтобы эта повесть окрасила его сны.

VII

Предостерегающая история, рассказанная для отцов, равно как и для дочерей

Тень старухи показалась Николетте раздутой и ужасной, но справедливости ради нужно сказать, что и сама карга была не лишена этих качеств. «Как брюква», – подумала девушка, глядя на шишковатые пальцы рук, сложенных на коленях старухи. Но огонь пылал жарко, а Николетта замерзла, поэтому она подвинулась ближе к очагу и его хозяйке. Ветер свободно врывается внутрь через не прикрытое даже марлей окошко лачуги. Николетта дрожала, но старуха откинулась на спинку кресла, наслаждаясь прохладным дуновением.

Хижина была совсем маленькая, но дверь запиралась на щеколду, а единственное окошко располагалось под самым потолком, поэтому Николетта почувствовала себя в куда большей безопасности, чем несколько минут назад. Мало кому понравится заблудиться в лесу ночью, а от тех, кому такое нравится, лучше держаться подальше. Как только девушка очутилась в доме, а не в темном лесу, ее сердце забило спокойнее, хотя хозяйка и казалась страшноватой.

Кто захочет проводить дни и ночи так мучительно далеко от других людей? Об этом девушка едва задумалась – так обрадовалась, когда заметила за деревьями тусклый свет. На миг она даже позволила себе поверить, что это ее дом, хотя деревья вокруг стояли более старые и крупные, да и в остальном ночной пейзаж выглядел иначе.

Солнце стояло точно над хибаркой ее отца, когда их единственная свинья рванулась вперед, так что поводок вырвался у нее из рук, и умчалась в лес. Первый час Николетта ругала себя за то, что не следила внимательнее за свиньей, второй – за то, что не следила внимательнее за дорогой, пытаясь найти знакомые ориентиры. Растущая тревога ненадолго отступила, когда девушка увидела беглую свинью на другой стороне промерзшей болотистой прогалины, но когда упрямая тварь снова скрылась в кустарнике, Николетта окончательно потеряла присутствие духа. Страх пересилил стыд, и она стала кричать, звать на помощь, а сквозь ветви уже просачивались сумерки.

Когда солнце окончательно скрылось и лес ожил ночными звуками, она мужественно сдерживала слезы. Отец как-то сказал ей, что, если она такая большая, можно замуж выдавать, и значит, уже слишком большая, чтобы плакать. Хотя до сих пор ни один поклонник не прошел по глинистой тропке к их хибаре, чтобы просить руки Николетты, она считала, что заботиться о муже ничуть не труднее или желаннее, чем ухаживать за свиньей или отцом. Тем не менее девушка хлюпала носом, на ощупь пробираясь среди холодных древесных стволов, которые нависали над ней.

А потом вдалеке мелькнул свет, и Николетта побежала так быстро, как только позволяли вездесущие корни и поваленные стволы, которые то и дело выныривали из темноты прямо ей под натруженные ноги. Приблизившись к покосившейся хижине, она замедлила шаг, и облегчение смешалось в ее сердце с прежним страхом темного леса. Отец предупреждал ее об углежогах – их нечистоплотной жизни, коварстве, бесчестности и неутолимом голоде до симпатичных молодых девушек. У двери Николетта остановилась, неуверенность сковала ее руки и ноги. В этот миг она внезапно и сильно ощутила на себе чей-то взгляд. Девушка медленно повернулась, но не увидела ничего – только ночь в незнакомой части огромного леса.

Где-то в черноте хрустнул сучок, Николетта зарыдала и принялась барабанить кулачками в дверь. Старуха впустила ее, опустила щеколду на место и привела девушку к скромному очагу. Несколько минут спустя та успокоилась, избавилась от холодного оцепенения в ногах и руках, присмотрелась к убранству хижины и своей спасительнице.

Николетта думала, что нужно объяснить, в какую беду она попала, но хозяйка дома не проявила к этой теме интереса. Оглядев тесную комнатку, девушка увидела маленький столик и несколько полок, заваленных сушеными растениями и глиняными горшками. В одном углу высилась большая поленница, в другом – зловонная груда тряпья. Кроме этого, убранство хижины ограничивалось циновкой из хвои да креслом. Обхватив руками колени, Николетта вздохнула, пытаясь отвлечь внимание старухи от пылающих поленьев.

В ответ карга принялась тихонько напевать, потирая подбородок своими брюквообразными пальцами. Николетта воззрилась на нее, прикусив губу. Учтывая тени от огня в очаге, старость хижины и ее обитательницы, а теперь еще незнакомые шипящие слова и странную мелодию, эта женщина больше всего походила на ведьму.

Что-то приземлилось на крышу, так что на них посыпалась пыль. Николетта взвизгнула, глядя на потолочные балки, которые зловеще прогнулись над дверью, а потом выпрямились, когда просели другие – ближе к маленькому отверстию, выполнявшему роль дымохода. Дерево скрипело, и кто-то невидимый передвигался у них над головами. Николетта едва дышала от ужаса, но не могла пошевелиться, только зачарованно смотрела на прогнувшийся потолок. Девушка так дрожала, что даже зрение у нее помутилось, но взгляд снова прояснился, когда старуха прыгнула к ней. С неожиданной ловкостью карга ухватила локон волос Николетты и вырвала полдюжины темно-русых прядей.

Глядя на вздрогнувшую от боли девушку, старуха ухмыльнулась, показав немногие оставшиеся у нее черные зубы. Она поднялась и, шаркая, направилась к окну, держа перед собой, точно оберег, волосы Николетты. Подняв руку к отверстию, старуха протянула кому-то волосы. И медленно, точно рассвет после зимней ночи, из ночного сумрака появилось нечто среднее между рукой и лапой, осторожно приняло длинные пасмы, а затем вновь скрылось за окном.

Песня стихла, а старуха с трудом вернулась к огню. Усевшись, она впервые посмотрела прямо на Николетту. Девушка будто помолодела на несколько лет, ее лицо приобрело желтовато-молочный оттенок свежих сливок. Вокруг нее собралась небольшая лужа, которая уже начала просачиваться между плоскими камнями очага. Николетта трижды открыла и закрыла рот, пока ее слезы капали в другую жидкость на полу, а затем плотно зажмурилась и пискнула:

– Что это?

Если бы Николетта открыла глаза, она бы все равно не обратила внимания на сердитое выражение на сморщенном лице старой карги.

– Чем он стал, знают лишь волки да ночные птицы, – прохрипела старуха, подтягивая свое кресло ближе к парализованной страхом девушке, – но прежде он был мне мужем.

Николетта кивнула так, будто из вежливости принимала кусочек засохшего сыра, которого на самом деле не хотела, а потом ее стошнило. Когда девушка немного пришла в себя, она обнаружила, что старуха ее успокаивает и гладит короткими опухшими пальцами по щеке и волосам. А потом заметила, что раздета догола, и отшатнулась. Старуха поднялась и взяла со столика миску и нож, подняла с пола рядом с креслом испачканное шерстяное платье Николетты и принялась его кромсать с пугающей страстью. Девушка отползла в угол, но ее остановил скрип потолочных балок.

– Ну-ну, – проворковала старуха, наклоняясь над ней с мокрым обрывком платья в руках.

Николетта широко распахнутыми глазами смотрела на потолок, пока карга чистила и вытирала ее, и, хотя сердце девушки колотилось так сильно, что это было почти больно, она успокоилась настолько, что заметила, как старуха задержалась в интимных местах. Дряхлая на вид женщина облизнула губы, вновь обмакнула тряпку в миску и сдавила округлившуюся грудь Николетты, вытирая с нее кусочки гриба, который девушка нашла в лесу.

Николетте хотелось сплунуть, но она не смела пошевелиться и только пассивно дрожала под руками старухи. Очистив верхнюю часть девушки, тряпка опустилась ниже пупка, а в ста-

рых глазах вспыхнул отблеск огня. Ночь уже и так стала такой жуткой и дикой, что дальше некуда. Этого Николетта снести не могла: она скрестила ноги и поползла назад.

Желтоватые глаза старухи блеснули, и с той же ошеломительной быстротой карга выплеснула содержимое миски на бедра девушки. Вода зашипела на камнях, а две женщины устали друг на друга: старшая – задумчиво, младшая – решительно. Полная несуразность прошедшего дня и ночи на время лишили Николетту обычного упрямства и силы, но слабость миновала. Потом старуха вновь наклонилась к ней и запела все ту же чужеземную песню, а сверху послышался тихий царапающий звук. Девушка сжалась в комок, подтянула колени к груди, а старуха вновь ухватила волосы Николетты и ножом отрезала небольшой локон.

И вновь она подошла к окну и подняла свое подношение. И вновь Николетта зачарованно смотрела, как за ним потянулась звериная лапа, и снова почувствовала, как ей сводит живот, а из глаз катятся слезы. И снова карга уселась в кресло и прекратила петь, а тварь завозилась на крыше.

Старуха ухмыльнулась Николетте и жестом подозвала ее ближе. Девушка подвинулась, но больше чтобы оказаться рядом с огнем, а не со старухой. Она ненавидела эту старую каргу; ненавидела эту жалкую холодную хижину; ненавидела безлунный лес снаружи; ненавидела свою наготу и страх, а особенно ненавидела кошмарную тварь на крыше. Она ненавидела свой ум, который не позволял ей убедить себя в том, что все это ужасный сон, от которого она скоро очнется, и прекратится боль в животе и в груди. И как же она ненавидела проклятую свинью...

– Он ест детей, – прошипела карга, чем сразу вновь привлекла внимание Николетты. – До последнего кусочка съедает. Ногти и зубы, кости и жир, губы и задницы. Все заглатывает. Медленно, так что они кричат, пока он ест и, может, что другое с ними делает. Иногда по ночам слышны их вопли, там, в темноте.

Насладившись выпученными глазами и частым дыханием девушки, старуха заговорила заботливо и по-матерински:

– Но ты не бойся, деточка, я-то хорошо знаю его изуверские привычки. Волосы он больше всего любит, их съедает напоследок, часто только прическу и оставляет себе на следующую ночь на завтрак. Он их прячет на деревьях, но я вижу, как они развеваются и покачиваются. И, когда луна ярко светит, я смотрю в окошко, да, смотрю, и вижу, как он жует и посасывает их, будто они медом вымазаны.

И, хотя старуха заговорила мягче, желудок Николетты тут же сжался от рвотных позывов, поскольку девушка поверила в то, что описывала карга.

– Однако, – торопливо продолжила шепотом старуха, – можно заставить его оставаться снаружи, а не внутри до самого утра. Он всегда убегает до первых петухов и забивается в свое логово. Если мы отвлечем его до рассвета, ты успеешь сбежать домой до следующего заката.

Николетта забыла о стыде и бросилась к отевающим ногам старухи, сотрясаясь от сухих, беззвучных рыданий. Карга улыбнулась, вновь затянула свою песню и осторожно отрезала тоненькую прядь волос. Эту сказку знает каждый ребенок: старуха медленно отрезает девочке волосы и отдает зверю на съедение до самого рассвета. А потом девочка находит в лесу дорогу домой – лысая, как младенец, но целая и невредимая. Обрадованный отец греет ей воду для мытья и больше не заставляет так много трудиться, а еще она, кажется, находит по дороге сбежавшего поросенка. На следующий вечер приходит красивый молодой охотник, и, прежде чем волосы у нее отрастают до плеч, она становится счастливой женой и будущей матерью.

Но даже среди детей только самый глупый оптимист поверит, что так заканчивается эта история. То, что на самом деле произошло той ночью в лесу, так мучительно далеко от дома, следует заново прояснить. Чтобы Николетта целой и невредимой вернулась домой, старуха должна сдержать слово, и даже самый глупый ребенок мог бы задуматься, с чего добросердечной женщине жить в черной утробе населенного чудовищами леса, а по ночам слушать, как детей убивают и едят. И, хотя самые недалекие из юных слушателей могли бы удовлетвориться

ответом, что эта женщина стала слишком старой, чтобы осилить путь обратно в населенные людьми края, внимательные и сообразительные заметили бы, что старуха двигалась с противостественной ловкостью и проворством. Так что истина, которая должна была с самого начала показаться мучительно очевидной, заключается в том, что эта старуха – ужасная ведьма, которая любит детское мясо и ест его при любой возможности.

Сообразительные дети скажут, что тогда, наверное, зверь на самом деле добрый и милый, а на крыше остается, так как боится ведьмы. Он влюбился в Николетту и медленно, самозабвенно обнюхивает ее волосы, собирается с духом, чтобы ворваться в хижину, победить каргу и спасти девушку. А когда он одолеет ведьму, Николетта полюбит его, несмотря на звериную внешность. Тогда он снова примет человеческий облик, и можно честным пирком да за свадьбу.

Эта нелепая чушь показывает, что хуже слишком глупого ребенка может быть только слишком умный. Сообразительный ребенок может навдумывать всякой чепухи, обдумывая побуждения смертельно опасных врагов, а дурачок просто увидит зверя с клыкастой пастью и признает его, как есть, за очевидную угрозу. Чудище на крыше даже ведьму превосходит по жадности до человеческого мяса, это недалекие детишки поняли бы с самого начала.

Вместе они сожрали множество детей, но чаще питались охотниками, углежогам да прочими несчастными путниками, которых судьба заводила в эту часть леса. Оба любили свежее мясо, но жена предпочитала приготовленную еду, а муж – сырую и с кровью. Николетта, похоже, попала в куда бо́льшую беду, чем могла себе представить в самом страшном сне. Хуже того, она всего не знала.

Отчаяние часто побеждает разум, поэтому Николетта поверила ведьме. Время от времени старуха начинала петь, передавая вверх новые пряди волос девушки, пока в миске не осталась лишь маленькая кучка сбритых ведьмой волос. Лысая Николетта дрожала еще сильнее от того, что за ушами бежали тонкие струйки крови из порезов, которые оставило лезвие ножа. В отличие от сказки, до рассвета оставалось несколько часов, потому что старуха передавала зверю волосы слишком быстро.

– А теперь, – проговорила ведьма, – займемся остальным.

Девушка покорно позволила карге сбрить немногочисленные волосы, что росли у нее на руках и под мышками, а затем покраснела, когда острое лезвие начало подниматься вверх по ногам. Кровь из порезов текла на камни, а Николетта тихо плакала, пока не осталась лишь маленькая полоска у нее между бедер. И вновь зазвучала песня, и подношение исчезло в окне.

Николетта видела, как косматая когтистая лапа приняла миску, а затем вернула ее ведьме. Тревога девушки за прошедшие часы превратилась в подозрение, основанное на том, как быстро – вопреки обещанию старухи – исчезали наверху ее волосы. Сама карга становилась все веселее, чем меньше у Николетты оставалось волос, – это был недобрый знак. Отец частенько корил Николетту за то, что она слишком умна, и, хотя он был прав, именно это позволило девушке опознать грозящую ей опасность. Более того, она заметила, что всякий раз, когда ведьма пела, зверь подбирался к окну, и, хотя слова для нее ничего не значили, девушка снова повторяла их про себя, пока не выучила наизусть.

Закончив петь, старуха вернулась и присела перед задумавшейся девушкой.

– Ну-ка, разведи свои красивые ножки, – зловеще ухмыляясь, проговорила она, – и давай закончим с этой малостью.

Николетта понимала, что, когда волосы закончатся, ей нечем будет отваживать мужа карги, поэтому задрожала и указала на очаг.

– Я так замерзла, – сказала она, стуча зубами. – Можно я сперва подброшу дров в огонь?

– Ладно, давай, – ответила ведьма и провела бледным языком по сухим губам.

Пока она брила девушку, у нее проснулся аппетит, как у жирного крестьянина, который ошипывает курочку. Выбрав полено, Николетта заметила прислоненный к поленице старый

топор. Когда дерево полетело в огонь, девушка увидела такое, что ее сердце ушло в пятки. Сперва она не поверила, поэтому схватила второе полено и пошевелила угли в очаге, прежде чем оно выскользнуло у нее из пальцев.

Николетта никогда прежде не видела человеческого черепа, но сразу его опознала, хоть он и почернел, треснул и покрылся пеплом. Она сразу заметила, какой он маленький, и поняла, что старуха ее обманула – ведьма еще и кровожадная людоедка. Николетта взвизгнула, когда толстый палец ткнул ее в бок, и попыталась скрыть возродившийся ужас.

– Ну, давай, – проворковала ведьма, – этой малости ему должно хватить до рассвета.

– Но мой отец говорил, – начала Николетта, поскольку страх сделал ее разум таким же острым, как капканы, которые мастерил отец, чтобы ловить кроликов, – что никто не должен меня там касаться, кроме меня самой и моего мужа, когда он у меня появится.

Ведьма снова захихикала и уже приготовилась прыгнуть на свою жертву, когда Николетта быстро добавила:

– Я и сама могу это сделать, если вы передадите мне миску и нож.

Старуха с подозрением уставилась на девочку, но в ее глазах плясали отблески пламени, поэтому ведьма не могла прочесть их взгляд. Муж больше всего любил именно эти волосы, да и девочка наверняка просто дурочка, не хитрит. Николетта заставила себя улыбнуться, ее щеки пылали от стыда, когда она развела ноги и потянулась за ножом.

Взяв его дрожащими руками, девушка уставилась на лезвие.

– Что это? – срывающимся голосом спросила она и указала на кончик клинка.

Но, когда старуха наклонилась, чтобы посмотреть, Николетта прижала нож ей к горлу и зашипела:

– Не шевелись. Не говори, не пой, иначе я тебя зарежу.

Ведьма пронзила ее яростным взглядом, но не шевельнулась, не заговорила, не запела.

– Ты мне скажешь, что делать, – прошептала Николетта, сжимая обеими руками рукоять. – Скажешь, как спастись, или я убью тебя.

Ведьма ухмыльнулась, но промолчала. Потолочные балки опять скрипнули, и Николетта вздрогнула, так что отточенное лезвие оцарапало цыплячью шею карги. На коже выступило немного крови, и ведьма встревоженно поглядела на девушку. Николетта заметила ее страх и торжествующе улыбнулась.

– Если я и умру, то только после того, как выпущу из тебя всю кровь, как из петуха. – Она плюнула в ведьму. – А теперь говори быстро, прежде чем я от тебя избавлюсь и сама разберусь.

– Он теряет терпение, – огрызнулась ведьма, повышая голос. – Съел уже все твои волосы, так что учует тебя за милю. Он по деревьям бегаёт быстрее, чем олень по земле, а прежде чем солнце снова встанет, сожрет тебя живьем. Одна у тебя надежда, отдай мне нож, чтоб я тебя защитила!

– Я тебе не верю, – прошептала девушка, и на глаза ей снова навернулись слезы.

– Так я тебя быстро прикончу, – в лицо Николетте ударил запах скисшего молока, – все лучше, чем то, что он с тобой сделает.

Девушка окаменела, тяжело дышала и никак не могла совладать с дрожью.

– Но зачем? – прохрипела она с горящими щеками. – Зачем вы это делаете?

– Для удовольствия, – отрезала ведьма. – Ну, и ради вкуса, конечно. Ему тоже для удовольствия, но и для удобства. Чудные эти волосы у него свернутся в желудке, а потом прорастут наружу, так что шкура будет густая и теплая. А раз тебя можно наконец очистить да поделить, он вломится в дверь и так с тобой обойдется, как ему захочется.

Николетта дрожала лишь миг, прежде чем вогнать лезвие в глотку старухе. Рука ведьмы ударила ее по голове, но девушка прыгнула вперед, повалив каргу на землю. Кровь брызнула Николетте в лицо и ослепила ее, обожгла глаза и нос, потекла в рот и глотку. Она захрипела,

но нажала сильнее, и ведьма задергалась, царапая пальцами пол, пока из сморщенных губ не вырвался омерзительный булькающий звук.

Крепко зажмурившись, Николетта всем весом давила на рукоять, пока острие не вышло с другой стороны. Конвульсии сменились дрожью, так что ноги карги застучали по полу. Девушка еще некоторое время продолжала сидеть, сгорбившись над ведьмой; горячая жидкость согревала ее лицо и руки лучше, чем смог бы любой огонь. Балки скрипнули, и Николетта вскочила, пытаясь вытереть кровь с лица.

Крыша вновь застонала, и девушка принялась в отчаянии метаться по хижине, пока не нашла маленькое ведро. Окунув лицо в ледяную воду, она ахнула и впервые вздохнула после того, как убила ведьму. Девушка смогла заставить себя взглянуть на мертвую каргу, лишь вообразив, что та снова поднимается на ноги у нее за спиной. Повернувшись к очагу, она посмотрела на то, что сотворила.

Кровь старухи покрывала пол от одной стены до другой, а ее голова была почти отрезана от тела. Николетту била такая крупная дрожь, что нож выскользнул из пальцев, а потом полено выстрелило в огне, от чего сердце пропустило удар, ноги подкосились, а глаза метнулись к потолку. Ее окутало безмолвие ночи, она впервые заметила, что ни птицы, ни насекомые не нарушают тишину в этой части леса. Девушка сглотнула, почувствовала во рту горьковатый вкус крови старой ведьмы и сплюнула на труп.

Ее сердце колотилось так быстро, что обогнать его могли только мысли. Преступление, которое не было преступлением, привело разум в действие, и Николетта бросилась исполнять план. Она задержала дыхание, схватила ведьму за уши, уперлась ногой в окровавленное плечо и потянула. Голова не подалась, но одно ухо оторвалось. Девушка взвизгнула, выронила его и прикрыла рукой рот, пытаясь заставить себя замолчать.

Крыша зловеще прогнулась, и Николетта перепрыгнула через широкую черную лужу, поблескивавшую в отсветах огня. Схватив ржавый топор, она вернулась к ведьме и, представив себе, что туша у ее ног – просто очень упрямое полено, занесла его над головой, точно опытный лесоруб. Ее ноги окатило брызгами, но это беспокоило девушку куда меньше, чем скрипящая крыша. Она схватила голову и бросила в огонь, где та яростно зашипела, а пламя ослабло.

В полумраке Николетта отложила топор, снова взялась за нож, опустилась на колени и принялась в безумной спешке срезать с тела ведьмы окровавленную одежду. От ведьмы несло ужасной вонью, на коже тут и там проступали пятна плесени, а кое-где из маслянистых складок проглядывали лишние соски. Девушку сотрясали рвотные позывы, но она не сдавалась, сваливая лохмотья у шипящего очага.

Муж ведьмы, судя по всему, расхаживал по крыше туда-сюда, с потолка обильно сыпалась пыль, когда Николетта вновь поставила кресло у огня так, что обезглавленный труп оказался между ней и очагом. Тут ее осенила новая мысль, и девушка принялась размазывать остывающую кровь по рукам, ногам и лицу, но не смогла заставить себя нанести ее на живот или грудь. Натянув грязную, зловонную одежду, она с трудом подошла к двери, до скрипа сжала зубы и откинула щеколду, так что створка отворилась внутрь.

У порога взвилась листва, а на крыше и в лесу воцарилась полная тишина. Николетта отступила на шаг и, одолев внезапный приступ головокружения, воткнула нож в тело старухи, а сама уселась в ее кресло, сжимая липкими пальцами рукоять топора. Глубоко вдохнув холодный воздух, который катился из двери в спину, она закричала, но резко смолкла, как только голос набрал полную силу. Прикусив губу, Николетта выждала одну, две, три секунды, прежде чем попыталась хрипло повторить песню карги. Девушку терзали сомнения, но она понимала, что колебания ее выдадут, так что продолжала петь, а чужеземные слоги застревали у нее в глотке.

Затем она услышала перестук звериных когтей по каменному полу у себя за спиной. Вместо того чтобы промчаться мимо и наброситься на труп, как надеялась девушка, невидимое

создание медленно двинулось к очагу. Николетта запела громче, страстно желая вместо этого помолиться Пресвятой Деве. Зверь принюхался, так что его зловонное дыхание шевельнуло лохмотья у нее на плечах, а затем испустил гортанное рычание. На счастье, жидкости в ее мочевом пузыре не осталось, хотя тело судорожно сжалось на кресле, и песня прервалась, когда она задохнулась от ужаса.

Тварь потерялась о нее сбоку, и Николетта поняла, что зверь не рычит, а мурлыкает, как котята, которых отец никогда не разрешал ей оставить, а топил в пруду назло Нечистому. Она беззвучно молилась, чтобы не сводить глаз с огня в очаге, но непослушный взгляд все же метнулся к чудовищу, когда то двинулось к трупу. Оно напоминало крупную кошку, крупнее голодных псов, выпускаемых на улицу в деревне с наступлением ночи. Пестрый мех с рыжими, черными, светлыми и бурыми пятнами местами прореживали полосы розовой бородавчатой кожи. Тонкий хвост лениво рассекал воздух, а сама тварь, от распухших лап до приподнятого зада, казалась щуплой и больной. Николетте удалось не посмотреть на голову, иначе она закричала бы.

Прямо над трупом чудовище вновь принюхалось, и все его тело содрогнулось от слабых судорог. Николетта поднялась с топором в руках, и кресло громко скрипнуло. Тварь резко развернулась, но в тот же миг девушка нанесла удар, и лезвие топора пришлось зверю точно между лопаток. Его когти вспороли ей бедро с такой силой, что Николетта растянулась на полу.

Она сильно зажмурилась, вознесла молитву Богоматери и своему отцу, а тварь испустила пронзительный визг, который оглушил девушку. Ногу терзала жуткая боль, но Николетта подумала, что когти ее напрочь оторвали, и прикрыла уши руками, чтобы не слышать ужасного воя. Но тот внезапно прекратился. Николетта долго не шевелилась, затем открыла один глаз. Темная стена перед ней ничем не указывала на состояние зверя. Мучительно медленно девушка повернула голову, из-за этого усилия от раненой ноги по всему телу раскатилась волна боли.

Опухшими, покрасневшими глазами она взглянула на раскинувшееся поверх трупа ведьмы чудовище, из спины которого торчал топор. Оно приподняло плечи, но задние ноги не слушались, а из-под хвоста текла струйка зловонного кала. Николетта кое-как встала и тут же упала, когда нога подогнулась. Тварь повторила попытку, на этот раз задние ноги дернулись. Николетта оторвала вонючую ткань, которая прилипла к ее окровавленной коже, и вновь поднялась, уже осторожнее, пытаясь не смотреть на проклятого демона.

Не в силах даже вздохнуть, она перебралась за спину чудовища, чтобы его глаза не могли с ненавистью смотреть на нее. Потом девушка нашла самое большое полено в поленице и, подкравшись, метнула его в голову жуткого создания. Удар заставил тварь упасть, но даже в полубредовом состоянии Николетта заметила, что свежая рана на голове чудовища закрылась так же быстро, как и открылась, а кровь, запятнавшая шкуру, течет обратно к лезвию топора. Рукоять шаталась от того, что плоть срасталась вокруг нее, а тварь вновь шевельнулась.

Колени подгибались, в висках стучало, Николетта прислонилась к стене, чтобы не упасть. Ей показалось ужасно несправедливым, что несмотря на все ее хитрости зверь остался жив да еще начал исцеляться с такой противоестественной быстротой, что скоро совсем оправится. Внезапно ею овладела ярость. Девушка высвободила топор и снова ударила им – туда, где мех уступал место розовой коже за ушами. Тело лишь миг билось в конвульсиях, и она с радостью заметила, что новая рана срастается куда медленнее, чем прежняя, которая совсем закрылась на спине, оставив лишь выпуклый шрам.

Она ударила снова и снова, покуда жилы, связывавшие голову с шеей, не излились потоком алой, черной и желтой жидкости, а из бесформенной массы плоти не показались кости. Голова откатилась в угол и остановилась лицом к ней – изо рта, ушей и носа сочилась кровь, но тварь все равно моргнула бледными глазами. Николетта принялась кричать и кричала, пока не потеряла сознание.

Она очнулась внезапно, когда огонь уже потух в очаге, а в комнату пробралась рассветная мгла. Два чудовища лежали, точно груды валежника. К вящей радости Николетты изуродованные тела не шевелились. Она по-прежнему прижимала к груди топор, холодное и мокрое навершие которого прилипло к щеке. Девушка отбросила его в сторону и поднялась на ноги. Всхлипывая, она дохромала до двери и вышла в лес. Она шла медленно, берегла окровавленную ногу, и в конце концов нашла ручей.

Несмотря на утренний холод, Николетта собрала волю в кулак и прыгнула с поросшего мхом камня в мелкую заводь. Хватая ртом воздух и дрожа, она встала на дне и принялась смывать засохшую кровь, не обращая внимания на то, как жестоко вода обжигала раны и кожу. Затем она стала кататься в палой листве у берега ручья, от ее тела поднимался пар, а сама девушка расхохоталась; потом заплакала и снова расхохоталась. Наконец она успокоилась настолько, что заметила, какой омертвевшей и жесткой стала ее кожа, и осмотрела ногу.

Когда она легонько надавила на опухшую розовую плоть вокруг четырех рваных ран, позади нее хрустнула ветка. Не оборачиваясь, Николетта поняла, что вернулся зверь, которого она приняла за мертвого; зверь с лицом старика. Когда она увидела его шишковатую, но вполне человеческую голову, смотревшую на нее из угла комнаты, лишь обморок спас ее от сумасшествия. Николетта знала наверняка, что если еще хоть раз увидит эту голову, сразу умрет от страха, а теперь она поняла, что убить эту тварь невозможно.

Она попыталась помолиться, но с ее губ сорвался лишь тихий стон. Тогда она закричала – без слов, обращаясь к отцу, Пресвятой Деве, ведьме, деревьям и ручью. Она была слишком слаба, чтобы бежать или просто пошевелиться, все ее силы иссякли. Девушка выла до тех пор, пока снова не лишилась чувств, когда сознание не справилось с таким напряжением.

Перекатившись во сне поближе к огню, Николетта крепче закуталась в одеяло. Сознание медленно возвращалось к ней, вопреки героическим усилиям не просыпаться. Треск дров в огне вызвал на лице девушки улыбку. Не открывая глаз, она решила наконец встать и рассказать отцу об ужасах, которые ей приснились. Наверняка через неделю-две они отправятся в город, чтобы она смогла помолиться в церкви.

Но даже прежде, чем наступило окончательное пробуждение, боль в ноге сообщила Николетте, что это был не сон. Когда она открыла глаза и увидела высокие деревья на границе света костра, по ее щекам покатались слезы. Углежог, который случайно нашел ее у ручья, сидел напротив, и его любопытство росло. Он, разумеется, слышал рассказы о диких людях в лесу, таких, что бегают на четырех ногах и ведут себя как звери, но всякий живущий в лесу человек слышит сотни таких историй, которые, хвала Господу, никогда не получают подтверждений.

Бесспорно, самое странное в ней – полное отсутствие волос, если не считать маленького кустика между ног, взглянув на который, он покраснел. Уже не девочка, еще не совсем женщина, но все равно красивая, хоть и лысая, но вдруг – одержимая или, хуже того, ведьма или злой дух? Он следил за тем, как она спит со смесью восхищения и страха, гадая, не стоило ли оставить ее там, где он ее нашел.

Магнус (именно так звали этого углежога) редко встречал других людей в лесу, а женщин – вообще никогда. Женщин он видел, только когда приносил уголь в город раз в несколько недель, и никогда не встречал девицы, которая удостоила бы углежога хотя бы добрым словом. Хоть он унаследовал ремесло от отца в возрасте двадцати лет, ноздри и пальцы у него уже почернели, как у тех, кто занимался этим делом всю жизнь.

Увидев, что девушка плачет, даже не проснувшись, он почувствовал, как что-то сжимается у него в животе. Чтобы получился хороший уголь, надо поддерживать огонь два дня и две ночи, так что несколько часов сна, которые ему удалось перехватить прошлой ночью, мало что значили. Его глаза, руки и ноги покрывала угольная пыль, и даже ради того, чтобы согреть эту

странную, голую дикарку, он не хотел разводить еще один костер. Она проспала целый день и почти всю ночь, а теперь открыла глаза лишь для того, чтобы разрыдаться.

Когда он приблизился, девушка сжалась, но, стоило ему протянуть ей кусок сухаря, она со стоном прижалась к нему. Он неуклюже лег у огня, а ее теперь уже теплое тело дрожало рядом. Он погладил ее лысую голову и заметил свежие порезы на бледной коже. Вскоре он задремал, прижимая ее к себе черными от угля руками.

Никто в городке ее не знал, и, хотя многие проявили доброту и даже угощали ее лакомствами, Николетта так и не заговорила. Как только ее спрашивали, откуда она пришла, ее глаза наполнялись слезами, и девушка указывала куда-то в сторону леса. Несмотря на дневное молчание и ночные кошмары, от которых просыпался Магнус, поскольку она скулила, брыкалась и потела во сне, Николетта прикипела душой к углежогу и приходила в отчаяние, если он покидал ее хотя бы на минуту. Так что никто не возражал, когда Магнус через неделю вернулся к своему ремеслу в лесу и забрал с собой немую девушку.

Она ненавидела лес, но терпела, чтобы оставаться рядом с Магнусом, и даже помогала ему собирать валежник, жечь костер, таскать уголь, готовить и в прочих делах. Через некоторое время ее волосы отросли, а нога исцелилась, и было заметно, что она хромот. Уже стало невозможно принимать ее за девочку, а не за красивую молодую женщину. Голос к ней так и не вернулся, но Магнус в шутку прозвал ее Букой, в честь букового дерева. Местный священник с радостью их обвенчал, поскольку девушка должным образом склоняла голову во время мессы. И, хотя она в целом была склонна к меланхолии, Магнусу частенько удавалось вызвать у нее улыбку или даже смех. Она с радостью целовала его, но стоило ему прикоснуться к ее обнаженному телу иначе, чем с отцовской заботой, девушка отстранялась и начинала рыдать.

Но Магнус очень ее любил, поэтому, когда он вышел от кузнеца, которому только что сполна отплатил за лошадь, и увидел, как его молодую жену трясет какой-то старик, Магнус бросился ей на помощь. А отец Николетты, вдруг увидевший дочь, которую давно почитал мертвой, с чувством ее обнял, и не мог поверить, что нашел ее в городке так далеко от дома. Сам он предпринял это трудное путешествие в надежде найти на рынке дешевых свиней, о которых ходили слухи, а теперь увидел ее и закричал от радости.

От горя он сильно состарился, Николетта даже не сразу узнала собственного отца и попыталась отстраниться. Но потом он произнес ее имя, и девушка обмякла в его руках. Старик умолял ее объяснить, куда она ушла и зачем, но слова отказывались срывать с языка. Николетта покачала головой, указывая на рот. Внезапно Магнус вырвал ее из рук отца, выронив свой топор и осыпая ругательствами бедного вдовца. Отец Николетты ошеломленно уставился на углежога, его грязное лицо и руки, руки, державшие его чадо, и понял, что худшие его страхи сбылись. Этот чернокожий разбойник похитил его дочурку и отрезал ей язык, а потом забрал так далеко, чтобы она не смогла отыскать дорогу домой.

В этот миг язык чудесным образом вновь начал подчиняться Николетте, и она со слезами объяснила разозленному Магнусу, что этот старик на самом деле ее отец. Муж все сразу понял и чрезвычайно обрадованный разом тем, что услышал ее милый голос, и тем, что увидел их встречу, повернулся, чтобы обнять старика. За это время отец поднял с земли топор Магнуса и, не слушая слов дочери, вогнал его прямо в просиявшее лицо углежога.

Все люди на улице завопили, но громче всех – Николетта. Ее муж упал замертво, а кровь брызнула на мокрые от слез щеки девушки. Мужчины схватили ее отца и безжалостно били его, пока на этом самом месте не соорудили виселицу, и, прежде чем остыл труп Магнуса, старика вздернули на поживу воронью. И, хотя Николетта наконец смогла говорить, она еще долго безутешно рыдала.

Хотя может показаться, что это и есть печальный конец истории бедняжки Николетты, правда намного хуже. Если бы лишь эта трагедия приключилась! Но вместо того, чтобы раскроить углежогу череп и отправить его к праотцам быстро и безболезненно, сбитый с толку

отец Николетты вогнал топор прямо в живот Магнусу да еще выдернул для второго удара. Магнус упал, хватая ртом воздух и руками удерживая внутренности там, где им полагалось быть. Отец непонимающе встретил жесткий взгляд дочери, которая встала на его пути и защитила мужа от второго удара. Топор вылетел у старика из рук, когда его схватили мужчины, а потом повалили в пыль, принялись охаживать кулаками и каблуками.

Над улицей вознеслась виселица, собралась большая толпа, но Николетта не смотрела. Углежог медленно истекал кровью, а кишки попытались выскользнуть из пальцев, когда Николетта помогала ему сесть на лошадь. Несмотря на громкие предложения помощи со стороны всех свидетелей происшествия, они невольно отступили, когда она села позади мужа: суровое выражение ее лица отпугнуло даже самых упрямых. Благоразумный кузнец побежал за священником, а Николетта направила лошадь прочь из города; за ней потянулась толпа чуть поменьше той, что смотрела на постройку виселицы.

Жить углежогу оставалось едва ли до заката, но Николетта наотрез отказалась отвезти его в церковь для соборования. Священник нагнал ее на краю города, лицо этого доброго старика исказилось от горя и напряжения. Он окликнул Николетту, но та не обратила внимания, и тогда терпение его истощилось, святой отец перехватил лошадь под уздцы.

– Прошу тебя, милая, – запыхавшись, проговорил он, – единственное утешение, какое ты можешь ему дать, – это путь в Царство Небесное. Иди же за мной немедленно в церковь, прежде чем жизнь окончательно покинет его.

Николетта не ответила, только плюнула ему в лицо. Священник поскользнулся и упал. Произошедшее потрясло его до глубины души. Он молча смотрел им вслед, пока дюжина рук помогала ему подняться. Вытирая слюну с лица, он нахмурился и закричал им в спины:

– Только Дьявол обрадуется пути, что ты выбрала! Себя на вечное проклятье обрекаешь – и его заодно! Нужно соборовать, иначе его ждет вечная мука, и тебя вместе с ним!

Николетта ничего не ответила священнику, только нежно шептала что-то на ухо своему умиравшему возлюбленному. Она погнала лошадь в лес. Несмотря на решимость, ее сердце билось быстрее и быстрее, а сердце ее мужа все медленнее. Она отвезла его далеко в ту часть леса, куда они никогда не заходили, древнее древесное царство, где Магнус когда-то нашел ее. Деревья уже не казались ей такими огромными и зловещими, хотя когда они добрались до ручья, ветви сплелись слишком густо, и обоим пришлось спешиться.

Передняя часть рубахи Магнуса влажно блестела в последних лучах заходящего солнца, и он уже не мог открыть глаза. Он глухо заговорил с ней, спросил, как ее зовут на самом деле, и слезы вновь затуманили ее взор, когда она прошептала ответ на ухо мужу. Он улыбнулся и открыл один глаз, чтобы взглянуть на нее, а затем погрузился в глубокий сон, предшествующий смерти.

Николетта оставила его у берега ручья, а сама бегом устремилась в сумрак. Отчаяние овладевало ею тем сильнее, чем быстрее на лес опускалась ночь. Девушке показалось, будто в лесу мелькнул свет, но, когда она продралась через густой кустарник, покосившаяся хижина была темна, как и лес вокруг. Дверь валялась на земле, а крыша частично обвалилась, но ее глаза давно привыкли к мраку, так что девушка сразу увидела то, за чем пришла, на том же самом месте.

Даже прошедшие годы не смогли полностью истребить вонь в комнате, но она все равно ринулась к груде гнилья у очага. Обезглавленные трупы срослись воедино, разложение стерло границу между мужем и женой, но поверх них лежала, словно теплое одеяло, его шкура. Даже во тьме она блестела бурым и рыжим мехом. Николетта сорвала ее с легкостью, будто снимала мокрую попону с уставшего коня.

Когда она побежала назад, те же кони и стволы, которые так мешали ей в детстве, теперь открыли тропу, что привела ее прямо к ручью, где ждали конь и муж. Он даже не шевельнулся, когда она опустила на колени рядом с ним и подняла его голову, но еще с трудом и редко

дышал, а все его тело сотрясала дрожь. Она взяла нож и принялась разрезать на нем рубаху. Действуя по наитию и по памяти о своих ночных кошмарах, она сняла с него одежду и прижала зловонную шкуру к спине мужа, а потом задержала дыхание.

Результат не заставил себя ждать. От вопля Магнуса ночные птицы взмыли в небо, а сердце пробежавшего мимо зайца разорвалось от ужаса. Углежог отпрянул от жены, его тело били судороги, внутренности вывалились на палую листву, потому что руки не держали их на месте. Объятая страхом, Николетта смотрела на него. Она поднесла нож к своему горлу на случай, если убила мужа. А потом, когда конь забил копытом и потянул веревку, которой она привязала его к ближайшему буку, окровавленные кишки вдруг потянулись обратно, внутрь раны на животе. Николетта улыбнулась, а затем начала одновременно смеяться и плакать.

Она не могла больше смотреть, как он страдает, поэтому, пока он катался по земле, рычал и выл, верная жена вернулась к хижине, чтобы ее приготовить. На небе сияла луна, когда она вытащила разложившиеся останки наружу, а потом забрала головы и швырнула в кусты. Николетта ведь была женой углежого, поэтому сумела развести огонь на сухих листьях, и вскоре в очаге заплясало пламя. Она поправила упавшее кресло и убрала груды лохмотьев, а затем сняла свою одежду и добавила ее к груде листьев, которые собрала, чтобы устроить уютное гнездышко у огня.

Дождаясь мужа, она заметила кровь, текущую у нее по бедру, но сразу поняла, что это лишь месячные. Побоявшись, что в темноте его глаза могут оказаться слабее, чем нюх, она размазала кровь по всему телу, проводя пальцами по грудям, губам и щекам. Николетта припомнила, как ждала зверя давным-давно, одетая точно так же, и захихикала, точно маленькая девочка. Долго ждать ей не пришлось.

После того, как они в первый раз в жизни занялись любовью, он задремал возле очага, а она поглаживала его мех. И, хотя в глазах Магнуса поблескивали боль и замешательство, его лицо засияло новым светом. Лишь шрам на животе напоминал о том, что произошло нынче утром. Теперь пришел ее черед говорить – всю ночь напролет. А он молча слушал. Николетта рассказала ему, как они покинут лес и отправятся вдвоем высоко в горы. Лес ведь не вечно будет оставаться неизведанным, а она надеялась на долгое счастье для них обоих. Со временем он снова научится говорить, а до того времени она будет разговаривать за двоих.

VIII

Довольно разговоров

Снегопад закончился, встало солнце. Гегель молча пялился на Николетту. Рассказывая свою историю, она ела одну за другой миски какой-то вязкой жижи из ведра, стоявшего рядом с креслом, но Гроссбарта беспокоило не ее внезапное пристрастие к глине. Он встал, пошатнулся и швырнул свою бутылку в огонь, где та взорвалась. Выхватив меч, он заорал брату:

– Манфрид, вставай!

Гегель попятился так, чтобы клинок оставался между ним и ведьмой.

Та лишь тихонько закудахтала, продолжая сидеть в кресле. Манфрид осоловело уперся спиной в заднюю стену и приподнялся. В недоумении он переводил взгляд с Гегеля на сидящую старуху. Господи Иисусе, ну и развалина.

– Тише, тише, – проговорила она.

– Тише?! Ты, проклятая ведьма, я тебе голову отрублю!

В глазах у Гегеля помутилось, то ли от усталости, то ли от ярости, то ли от выпитого, он и сам не знал.

– Ведьма? – Манфрид попытался встать, но сполз вниз по стене. – Это ведьма, брат?

– Ты знал, кто я, когда позволил мне прикоснуться к тебе и твоему брату, – терпеливо сказала она.

– Это правда? – Манфрид пронзил брата испепеляющим взглядом.

– Не подходи!

Гегель занял место между Николеттой и Манфридом. Он хотел отрубить ей голову одним ударом, но побаивался приближаться. Наверняка ведьма владеет опасными чарами.

– Держи свое слово, Гроссбарт, – сказала Николетта, и ее глаза вспыхнули, хотя огонь в очаге угас, и не было пламени, которое могло бы в них отразиться.

– Это она призвала на нас мантикору?

Голова Манфрида кружилась, а его оружия не было видно.

– Да черт бы его побрал! – Гегель не мог заставить себя не кричать. – Никакая это была не мантикара, а треклятый гару, я ж тебе говорил!

– По-французски значит «волк»¹², – вмешалась Николетта. – Не думаю, что так можно назвать Магнуса, разве что метафорически.

– Заткнись! – В висках у Гегеля пульсировала боль. – Просто рот закрой!

Все трое замолчали. Манфрид сумел, опираясь на стену, подняться, но его колени дрожали. Николетта продолжала сидеть, глядя на Гегеля, который отступил еще на шаг и схватил брата за плечо.

– Что случилось? – прошипел Манфрид на их личном говоре.

– Ведьма, – так же ответил Гегель.

– Это я понял, но какого черта мы делаем в ее доме?

– Ты захворал, я тебя сюда притащил. Она тебя вылечила.

– Не хочу с тобой спорить, но это дело все-таки доброе.

Манфрид выглянул из-за плеча Гегеля, чтобы рассмотреть ведьму.

– Я заплатил, – ответил Гегель и невольно содрогнулся. – Ничего доброго в том не было.

Во время этого разговора Николетта внимательно наблюдала за братьями, склонив голову набок, точно любопытное животное. Теперь она улыбнулась и снова откинулась на спинку кресла. Далось не сразу, но теперь она разобралась.

¹² Николетта ошибается: *garou* в переводе с французского означает «оборотень» или «нелюдим».

– Так если она ведьма, чего ты ждешь? Руби ее, пока она нас не заколдовала!

Манфрид замотал головой, пытаясь вытрясти сонный морок.

– Так чего же ты ждешь, Гегель? – спросила ведьма на том же неповторимом жаргоне.

Оба Гроссбарта потрясенно уставились на нее, ведь прежде никто не мог разгадать их шифр.

– Быть может, Манфрид, твой брат – человек слова? – еще шире ухмыльнулась ведьма.

– Не знаю, какое слово дал мой брат, но всякое наше слово мы можем забрать обратно. И оно точно не касается еретиков и ведьм, – выпалил в ответ Манфрид и добавил, уже не пытаясь скрываться: – Бей ее, Гегель!

Гегель двинулся вперед, несмотря на звон в ушах и холодок во всех иных частях тела, который самым серьезным образом предостерегал его от такого шага.

– Нарушишь свое слово, Гегель, и я нарушу свое, – бросила ведьма, наклонившись вперед в кресле.

Гегель замер, точно ребенок, который собирается с духом, прежде чем нырнуть в ледяную воду. Манфрид задержал дыхание, не понимая нерешительности брата. Может, его опутали какими-то чарами?

– Зачем ты нас лечила, если эта тварь в лесу – твой муж? – спросил Гегель.

– Муж?! – ахнул Манфрид и сполз обратно на пол.

– Что бы ни случилось со мной или с ним – это Ее воля, – тихо проговорила Николетта.

– Верные слова, – прохрипел с пола Манфрид. – Ну, хоть Святую Деву она почитает.

От хохота Николетты у братьев заболели уши.

– Воля Гекаты, Гроссбарты! Единственной истинно достойной госпожи.

– Ересь, – застонал Манфрид, который чуть не лишился чувств от потрясения. – Быстрее, брат, быстрее!

– Гекаты? – повторил Гегель, которому имя показалось знакомым.

– Ее имя я услышала как шепот во сне еще в юности. Самостоятельно постигала Ее ремесло, но двадцать лет назад в наш дом пришел путник. Путник, которого убоялся даже Магнус. Он обучил меня тому, до чего я не дошла своим умом, а даже этого, уж поверь, хватило бы на многие и многие книги.

В ее голосе послышался тот же добродушный тон, что и ночью, когда ведьма рассказывала свою историю, а ее глаза подернулись радостной поволокой ностальгии.

– Сам Дьявол, – прохрипел Манфрид, у которого световые пятна поплыли перед глазами. – К ней приходил сам Дьявол!

И он снова потерял сознание. Гегель не мог пошевелиться. Впоследствии он объяснял это колдовскими чарами, хотя на самом деле он был просто слишком напуган и мог только тарашиться на ведьму.

– Нет, не сам Дьявол, – вздохнула Николетта. – И даже не какой-нибудь рядовой черт. Образованный человек, в некотором роде, ученый. Он провел с нами всю зиму. Я кое-что понимала в крестьянском труде, а Магнус охотился, конечно, но голод всегда дышит в спину, если аппетит у тебя внушительный. Он не только принес нам необычные семена с Востока, но и научил меня готовить себе еду, а также прорицать будущее, проклинать и творить всяческую ворожбу, которую запрещает Церковь.

– Мы... – Гегель сглотнул. – Нам нужно...

– Уйдете, когда я скажу. Я солгала. Я вас вылечила не по Ее воле, а по своей собственной. Рано или поздно вы умрете, Гроссбарты, и смерть ваша будет ужасной.

Манфрид это услышал и вернулся в сознание, к разговору, будто и не отсутствовал:

– Да, ведьма, все умрут, но мы потом вознесемся. Может, и не сразу у нас это получится, но ты от судьбы не уйдешь. Будешь гореть в огне на все времена, когда мы давно оплатим за все свои прегрешения.

– Ни в этом мире, ни в том я уж точно не собираюсь вступать в теологический диспут с двумя такими образованными и благочестивыми марионитами¹³, как вы. Если бы я вас убила сейчас, даже очень медленно и мучительно, вы, дурни, цеплялись бы за свою веру, и лишили бы меня награды.

– Еще как! – фыркнул Манфрид, пытаясь справиться со световыми пятнами.

– Сними-ка вон тот мешок, Гегель, – устало сказала ведьма, указав на верхнюю полку.

Гроссбарт подчинился, убеждая себя, что руководствуется исключительно любопытством. Мешок оказался тяжелым и бесформенным на ощупь, будто его наполнили гравием. Гегель протянул его старухе, пока меч дрожал в другой руке.

Покачав головой, ведьма прищурилась:

– Загляни внутрь.

Развязав веревку на горловине, Гегель заглянул. Нахмурился и присмотрелся. Манфрид вновь с трудом встал и тоже бросил взгляд в мешок.

– Что это? – прошептал Гегель и побледнел так, что его лицо стало белее молока.

– Зубы? – проговорил Манфрид, вытаскивая пригоршню из мешка.

– ...моих детей, – вздохнула ведьма.

Манфрид резко отбросил зубы прочь и вытер руку о рубаху.

– Бей ее! – завопил он, но тут же сам упал на брата, который выронил мешок и подхватил его.

– Голодные времена, – проговорила старуха, и в ее глазах, кажется, заблестели слезы, но в комнатке было слишком темно, чтобы братья могли быть уверены в этом. – Ранней весной бросить семя, чтоб они народились перед первыми снегопадами. Тогда на зиму у нас будет молоко и немного мяса.

Меч качнулся в пальцах Гегеля, задевая острием зубы на полу. Манфрид с силой сжал плечо брата, изо всех сил стараясь не упасть. Николетта хрустнула костяшками и зевнула.

– Первые пометы нам здорово помогли, но худые времена куда чаще сменяются худшими, чем лучшими. После первых нескольких родов я перестала приносить их регулярно, так что вообще чудо, что мы кое-как выживали, пока он не пришел. Да, он научил меня, печь хлеб куда быстрее, хоть и труднее. К тому же они растут и поправляются куда быстрее. Вкус, конечно, на любителя, и я не хочу ни в чем обвинять Магнуса, но... это ведь чистый инстинкт, наверное. Женщины хотят деток, вот и все. Вырастить, конечно, а не... Так что, если бы Магнус сумел вас загнать, мы бы хорошо ели всю зиму. Зато теперь я смогу получить то, чего он мне не давал, пусть и не по своей вине.

– Уф.

Язык отказывался шевелиться во рту у Гегеля, но Манфрида эта беда не коснулась. Его подводило все остальное тело. Осыпая проклятьями детоедную блудодейную дьяволопоклонницу и ведьму, он сполз по боку брата, но даже с пола продолжал свою диатрибу.

Гегель пялился на раздувшийся живот Николетты, который и вполвину таким огромным не был, когда она начала свой рассказ вчера вечером. «Это от зверя, – подумал он, – с колдовством или без, но она понесла наверняка от зверя. Смилуйся, Дева Мария».

– Быстро растут, силу набирают, – ведьма подмигнула Гегелю, от чего у того подкосились колени.

Гроссбарт оперся о стену, а его брат наконец выдохся, и поток проклятий иссяк.

– Отмщенье свершат не мои руки, но те, что сейчас растут. Вы все потеряете, Гроссбарты, и будете знать, что я приложила руку ко всякому несчастью, которое вас постигнет. Всякого пса, который вас укусит, всякого убийцу, который вас ранит, всякого мужчину и всякую женщину, которые обратятся против вас, я увижу в морозных рисунках, и в полете птиц, и во снах.

¹³ *Мариониты* – здесь христиане, истово поклоняющиеся Деве Марии.

Мои глаза увидят, как почернеют ваши души, ослабнут тела, и я охотно окажу любую возможную помощь вашим врагам. Я могла бы убить вас, когда вы только пришли к моему дому, но сдержалась и рада этому. Ибо ваша погибель войдет в легенды.

Услышав эти слова, братья Гроссбарт сразу опознали в них проклятье. Не сводя с ведьмы глаз, Гегель помог брату встать на ноги. Манфрид больше не давил на брата, но ухватил крупное полено, лежавшее у потухшего очага. Праведный гнев придавал ему сил, и, толкнув в бок Гегеля, он занес свое оружие.

– Выбора ты нам не оставила, – рявкнул Манфрид. – Я много кого прикончил, но тебя убью с особой радостью.

Он шагнул к Николетте, однако Гегель удержал его.

– Нет, брат, она опасна, – сказал Гегель.

– Да что может ведьма, кроме как проклясть человека? Она нас уже прокляла, и думаю, кажется, я знаю, как это проклятье снять.

Манфрид сбросил руку брата со своего плеча, а Николетта откинулась на спинку кресла и что-то пробормотала.

Манфрид взмахнул поленом, но мешок зубов подпрыгнул с пола, как живой, и врезался Гроссбарту в челюсть. Удар сбил его с ног, так что Манфрид растянулся на земле рядом с креслом. Подняв глаза, он осознал, что светлые пятнышки, которые он сперва принял за огоньки, предшествующие обмороку, – сотни мелких зубов, которые вертятся в воздухе. Единственный крошечный зубик оторвался от основного вихря и врезался, глубоко вошел в земляной пол рядом с лицом Манфрида. Он прикрыл глаза руками и принялся громко молиться; молился до тех пор, пока не услышал, как зубы со стуком осыпались на пол. У Гегеля закружилась голова, он словно примерз к месту, а как только зубы упали, его стошнило на холодные угли в очаге.

– Теперь проваливайте из моего дома, пока я с вас шкуру не спустила и наизнанку не вывернула! – приказала ведьма, вновь удобно располагаясь в кресле.

– Храни нас Дева Мария, – прошептал Гегель, вставляя меч в ножны.

Манфрид осторожно взглянул вверх локтя. Он по-прежнему полагал, что пришел их конец. Гегель помог ему встать, и братья принялись вслепую шарить по полу, пытаясь собрать свое снаряжение, не отрывая при этом глаз от Николетты.

Манфрид смахнул рассыпанные зубы со своего мешка и забросил его на плечи. Все тело болело, топор и булава показались куда тяжелее, чем прежде. Поскольку сам он не знал, что произошло с того момента, как он уснул несколько дней назад, пришлось положиться на то, что брат знает, что делает.

Гегель, разумеется, не знал, но подозревал, что если он еще немного времени проведет в обществе Николетты, наверняка сойдет с ума. Помогая пошатывающемуся брату добраться до двери, он в последний раз злобно посмотрел на ведьму. Похоже, пути колдовства были совершенно неисповедимы. Голод подавил страх, и на пороге Гроссбарт обернулся.

– А вот мясо... – начал Гегель.

– Вон, – устало приказала ведьма.

– Или вот медовуха...

– Вон!

Старуха вскочила, обвиняющее выставив вперед раздувшийся живот.

– Да уходим-уходим, – проворчал Гегель, откидывая щеколду.

– Но перед этим... – добавил Манфрид, повернулся и сплюнул.

– Да к черту это все.

Гегель начал выталкивать брата наружу, но Манфрид уперся.

– Слушай внимательно, ведьма! – брызгая слюной выкрикнул Манфрид, продолжая бороться с братом в дверях. – Ты, может, нас и прокляла, но мы тебя проклянем в ответ. Мы

твоего мужа-зверя уже убили, и ты сама в этой выгребной яме подохнешь. И мы-то умрем, как надлежит всем истинно верующим, но не раньше, чем тебя уволокут в бездну, а души детей твоих будут выть тебе в уши, и, так или иначе, последнее, что ты увидишь, – это как мы смеемся. Поздно тебе каяться, в огне будешь гореть. А когда мы покончим с арабами, вернемся, чтобы на твои кости помочиться, гнусная ты...

Гегель наконец вытолкнул брата наружу и захлопнул дверь как раз вовремя, чтобы защититься от метнувшейся к ним дюжины острых зубов.

– Давай дом сожжем!

Манфрид ринулся было обратно к хижине, но Гегель сбил его с ног и остановился над братом, хватая ртом воздух и выпучив глаза.

– Дурачина, ты же самого Дьявола накликаешь! – взорвался Гегель.

– А ты думаешь, у тебя душа такая чистая, чтоб сохранить жизнь ведьме?

Манфрид поднялся на ноги и смерил брата испепеляющим взглядом.

– Мы вернемся, чтобы отомстить, клянусь! А пока надо уходить, прежде чем она не подумала хорошенько и не решила нас прикончить здесь и сейчас.

Оглянувшись по сторонам, Манфрид кивнул. Он едва снова не потерял сознание, а у ведьмы и вправду были свои хитрости. Так что, может, летающие зубы – не самое страшное, что их ждет.

Братья стояли в неряшливо распаханном поле на краю леса, по обе стороны к небу вздымались горы, а хижина примостилась у отвесного склона, который протянулся от пика к пику, перегородив долину. Гегель направился к одному из скатов, петляя между редко растущими деревьями.

– Может, вернуться к Коню и забрать немного мяса? – поинтересовался Манфрид, шагая за братом прочь от леса и покосившейся лачуги.

– Нет уж! Даже если кости дочиста не обглодали, нам будет трудно его найти. Лес слишком большой.

– А что мы будем есть?

– Я положил нам в мешки немного мяса. Но большую часть потерял, потому что шкура развернулась, когда я тебя волок по лесу. Остальное у ведьмы осталось. Зато в бурдюках полно воды.

Гегель стал карабкаться по скату наверх.

Манфрид медленно взбирался следом за ним, ненатянутый арбалет подпрыгивал у него на спине. Время от времени Гегель останавливался и ждал, пока брат нагонит его. Через час они выбрались наверх: гряда остановила наступление леса и протянулась прямо к ближайшему пику. Оба Гроссбарта посмотрели сверху на долину и сплюнули.

Молча спускаясь по противоположному склону, братья разглядывали сплошной горный хребет. Кое-где виднелись деревья, но они не росли так густо, как в лесу ведьмы. Манфрид несколько раз поскользнулся и падал, потом лежал на камнях и смотрел в серое небо, пока Гегель не подходил, чтобы помочь ему подняться. Он чувствовал сильную слабость, и, хоть они делали многочисленные привалы, повалился на землю задолго до заката и уже не смог идти дальше.

Братья карабкались по гряде, усыпанной валунами, там, где позволял резкий ветер; виднелись лоскутки снега. Гегель помог брату забраться в углубление между двумя огромными камнями, там они разбили лагерь. Манфрид кашлял и хрипло дышал, так что Гегель закутал его в одеяло и набрал около соседних деревьев столько валежника, чтобы хватило на ночь. Затем он попытался заложить щель между валунами мелкими булыжниками, но от резкого ветра это плохо помогло.

Набрав снега в котелок, Гегель принялся за готовку и к закату стухил приличную порцию конины. Манфрид проспал большую часть ночи, так что Гегелю пришлось забираться к нему

под одеяло. Много раз за эту ночь Гегель с тоской вспоминал тепло и безветрие их вчерашнего убежища, но потом приходил образ оседлавшей его ведьмы, и Гегель еле сдерживал слезы.

Утро покрыло их бороды инеем, а примерно через час после того, как братья вышли в путь, повалил снег. Оба размышляли о встрече с ведьмой. Манфрид смотрел в спину брату и гадал, что случилось, пока он валялся в лихорадке. Гегель пытался сосредоточиться на окружающем ландшафте, чтобы выбросить из головы воспоминания о мерзости ведьмы.

– Ты знал, что она ведьма, и все равно позволил ей ко мне прикоснуться? – возмущенно спросил Манфрид, когда они сели перекусить, глядя вниз, на пройденный за утро отрезок склона.

– Выбора не было особо, – ответил Гегель.

– Мог бы укрепиться в вере, положиться на Деву Марию, а не на какую-то еретичку.

– Да ну? Ты пятнами покрылся и до утра не дотянул бы.

– Выходит, ты рискнул моей душой, чтоб только спасти мою плоть?

– Только я рисковал своей душой. Мог бы хоть спасибо сказать, неблагодарная ты манда!

Гегель откусил большой кусок полусырой конины.

– Послушай, братец, – сказал Манфрид отеческим тоном. – Я на тебя не злюсь, просто говорю, что тебе стоило проявить немного больше разборчивости в том, с кем ты дела заводишь. Я уверен, что намерения у тебя были правильные, и на сей раз нам повезло, что оба остались в живых. Но в другой раз...

– В другой раз оставлю тебя на поживу воронью! – огрызнулся Гегель. – Ты понятия не имеешь, что я ради тебя сделал, а ведешь себя так, будто я тебе в бороду насрал. Вот уж брат так брат!

– Из-за тебя нас прокляли, Гегель!

– И что с того? Боишься, что не сможем снять проклятье? Не в первый раз нам кто-то пожелал смерти.

– Верно, но когда прокликает ведьма – это другое дело. Зачем она вообще нас вылечила? Сам понимаешь, вся эта чепуха, мол, потом с вами разделаюсь, ни гроша не стоит.

Гегель побледнел и отложил мясо:

– Пора выдвигаться.

– А какая была цена? – тихо спросил Манфрид. – Не душа же твоя? Не душа ведь?

– Сам не знаю, – дрожащим голосом прошептал Гегель. – Надеюсь, что нет. Просто помни, что ты умер бы, если бы я не сделал того, что сделал.

И он зашагал прочь, а Манфрид быстро собрал вещи и поспешил следом.

Нагнав брата, он хлопнул Гегеля по плечу:

– Я не забуду. Просто теперь нужно быть поосторожнее, раз уж нас прокляли. Но мы от всякой скверны очистимся своей праведностью и благочестием.

– Ага. Точно. Осторожнее.

Гегель сомневался, что кто-нибудь, кроме, разве что, самой Девы Марии, сможет очистить его от греха. Он помнил тепло ее тела, как в порыве страсти называл ее Марией и обещал ей свою верность. Всякий раз, как он об этом думал, кишки в животе словно затягивались в тугий узел. Ведь это было единственное деяние во всей его черной жизни, в котором Гегель и правда раскаивался.

Ветер высушил пот, но холод никуда не делся, так что братья начинали стучать зубами всякий раз, когда останавливались, чтобы осмотреть местность. Несколько часов спустя они оказались на склоне горы, как две капли воды похожем на несколько предыдущих, но Манфрид верил, что брат не водит их кругами. Гегель не был в этом уверен и нервно жевал бороду, пока они не выбрались на гребень, откуда стало видно, что Гроссбарты не заблудились – за грядой, которую они преодолели, открывалось глубокое ущелье. А по следующей горе, точно вровень с

тем местом, где они стояли, змеилась наезженная дорога. Гегель дрожал от счастья, а Манфрид продемонстрировал степень своего исцеления тем, что пустился в пляс на каменистом склоне.

Дорога тянулась без конца, но, в отличие от первой части их похода на юг, следующая неделя пути по настоящей дороге наполнила братьев надеждами на добрую удачу. Эта дорога (хоть ее давно не чинили) шириной и гладкостью превосходила ту, по которой Гроссбарты начали странствие. Оба горько сожалели об утрате Коня и телеги, но благоразумно избегали обсуждать тающие запасы продовольствия. Даже Манфриду пришлось признать, что встреча с ведьмой и ее мужем стала для братьев поворотной точкой.

– А значит, в Ее глазах мы поступаем правильно, – заключил на восьмой день Манфрид. – Если не сойдем с пути праведного, начнем чистить арабские замки-гробницы еще до Пасхи.

– Думаешь? – переспросил Гегель. – Кстати, далеко нам до этого Гипта?

– Знать не знаю, да и знать не хочу. Если будем следовать Ее воле, доберемся рано или поздно. А еще, наверное, разбогатеет по дороге.

– Похоже на то, – согласился Гегель.

– А если б мы сожгли ту ведьму, как я предлагал, уже, глядишь, нашли бы парочку отличных лошадак, груженных трюфелями.

– Может, еще найдем, – отозвался Гегель, которому образ сочных грибов напомнил, что у них скоро закончится конина – через несколько дней, в лучшем случае.

– Муж, говоришь? Выходит, она тебе сказала, что он был человеком, прежде чем стать чудищем?

Манфрид до сих пор не мог поверить, что их лесной враг не был мантикорой.

– Ага. Чудную историю она рассказала. Учти, я там чуток подремал в скучных местах, но скоро все очень странно повернулось.

– Жалко, что я не слышал.

– Да не о чем жалеть. Печальная история. Она раньше была красивой девушкой, и честной, и любила Деву Марию всем сердцем. Из такой женщины вышла бы достойная жена.

– А ты это откуда знаешь?

– Сама мне сказала.

Манфрид фыркнул:

– Ну да, давай еще верить всему, что ведьма говорит.

– А я не сказал, что во все поверил.

– Но думаешь, она была красоткой? Правда? Вообрази ее молодой, и все равно на ней будет скверна ереси. Не бывает красивых ведьм.

За эти дни Гегель не раз пытался отделить одну часть воспоминаний от других. Молча все обдумывал и почти преуспел. Но всякий раз его братец открывал рот и говорил что-то вроде:

– Нет уж! Эта ведьма сношалась со своим зверолодом, и часто сношалась. А потом ела детишек, которые от того народились. Вообрази, как эта стылая карга враскоряку...

Гегель согнулся пополам, и его стошнило так, что сфинктер свело судорогой. Манфрид отпрыгнул от потока блевотины и залиvisto расхохотался. Гегель бросил на него злобный взгляд слезящихся глаз.

– Что, не пошла конина впрок?

– Это все твой грязный язык! Кому придет в голову воображать такое?

Гегель сплюнул, но не смог избавиться от воспоминания о ее вкусе.

– Да я же просто сказал.

– Не говори.

– Это что такое?

– А?

Гегель вытер рот и посмотрел туда же, куда глядел брат. Дорога изгибалась по склонам, так что лишь некоторые ее сегменты были видны с этого места длинной горной гряды. Но

позади Гроссбартов, на предыдущей горе, по дороге двигалось что-то большое и черное. Двигалось быстро, но Гегель сумел разглядеть фургон и упряжку лошадей, которые шли уверенной рысью. Манфрид прищурился:

– Что-то я не...

– Это наши лошадки, вот что! – воскликнул Гегель и ударил брата своей широкополой шляпой.

– Да ну?

– Ну да!

– Зачем они поехали в горы посреди зимы?

– А мы сюда зачем пришли? За тем же! А теперь – за дело.

Гегель поспешил к ближайшему валуну у обочины дороги.

– Хорошо, что вовремя приметили, – добавил Манфрид и тоже принялся за работу.

Каждый взялся выламывать камень со своей стороны: Манфрид – топором, Гегель – киркой. Каждые несколько минут они останавливались и наваливались вместе, но камень не поддавался. Братями овладело отчаяние, но чем глубже они закапывались, тем глубже в склон горы уходил проклятый валун.

– Слушай, – пропыхтел Гегель, – нужно то мертвое дерево сюда приволочь и клином вогнать под камень.

– Какое дерево?

– Ну, мертвое дерево наверху, на склоне, чуть позади на дороге. Если поспешим, дотащим его сюда, прежде чем... – Гегель вдруг замолк, увидев блеск в глазах Манфрида, и резко изменил свой план. – Или можно просто бросить ствол поперек дороги и не возиться с валуном.

Манфрид медленно кивнул, продолжая прожигать брата взглядом.

Только братья успели вернуться к упавшему дереву, взобраться наверх и скатить его по склону, послышался стук копыт. Гроссбарты уложили ствол поперек дороги и принялись ждать, а когда Гегель приметил фургон на повороте, оба нагнулись и сделали вид, будто старое сухое дерево невероятно тяжелое и неподъемное. Фургон замедлил ход, а затем вовсе остановился. Двое мужчин прыгнули с облучка позади повозки, обменялись несколькими словами с возницей и двинулись к Гроссбартам с арбалетами в руках. Увидев это, братья быстро извлекли собственные, уже взведенные арбалеты, спрятанные за стволом мертвого дерева.

– А ну, стой! – крикнул Гегель, когда мужчины подошли на расстояние выстрела.

– Почему это? – спросил тот из них, что был побольше.

– Увидели, что вы едете, и решили подсобить да убрать его с дороги! – заорал Манфрид.

– Почему арбалет? – спросил тот же незнакомец.

– А у вас арбалеты почему? – парировал Гегель.

– Что? – незнакомец приставил руку к уху.

– Подходите, – разрешил Манфрид, – мы вас тоже не слышим.

Путешественники с опаской приблизились к ухмыляющимся Гроссбартам. Когда они подошли настолько близко, что смогли разглядеть бородатые физиономии братьев, незнакомцы остановились. Возница крикнул что-то, но ни тот ни другой не обратили на его слова внимания.

– Что вы здесь делаете? – спросил первый незнакомец, который мог похвастаться тонкими усами, такими же черными, как и его волосы, а также шевелюра его спутника.

– То же, что и вы, – парировал Гегель.

– Тогда, – заявил Усатый, – убирайте это дерево и уйдите с пути. Мы поедем своей дорогой, а вы – своей.

– Ну уж нет, – возмутился Манфрид, – это нечестно.

– Почему? – спросил Усатый.

– Мы потеем, стараемся убрать этот ствол, а вы даже подвезти усталых путников не предлагаете? – поинтересовался Гегель.

Второй незнакомец сказал что-то Усатому на языке, которого братья не поняли. Усатый ответил на том же наречии, второй путник поднял арбалет и прицелился в Гегеля. Гроссбарты лениво поигрывали своими арбалетами, но каждый вдруг оказался нацелен на одного из путешественников.

– Отойдите, – приказал Усатый, – и мы его сами отодвинем, так что вам не придется потеть.

– Честь по чести, – ответил Гегель и тут же пожалел, что повторил выражение Николетты.

Братья отступили, и оба путешественника подошли ближе. Они задержались, оглядели бревно. Хоть оно и прогнило, но все равно убрать ствол так, не отложив оружие, они не могли. Все это время Гроссбарты приветливо им улыбались. Путешественники снова обменялись непонятными словами, злобно поглядывая на братьев.

– Ваша взяла, – сказал Усатый, который теперь сам заулыбался, – вы его убирайте, а мы вас подвезем.

– А что вам помешает нас пристрелить, как только мы отложим арбалеты? – спросил Манфрид.

– То же, что помешает вам, если мы так поступим, – огрызнулся Усатый.

– Праведная христианская добродетель? – уточнил Гегель, но опускать оружие и не думал.

– Да, – коротко ответил Усатый.

– Не лепится, – возразил Манфрид. – Мы – благочестивые пилигримы, на что указывают наши Пресвятые Девы. – Он потряс головой, так что образок запрыгал у него на груди. – А ваши доказательства где?

– Значит так, – сказал Усатый, – это не мой фургон, иначе мы вас с радостью подвезли бы. О, горе, он не мой. И нам платят за то, чтобы никто не влезал в фургон. Нам не платят за перетаскивание бревен. Значит так: это бревно должно отсюда убираться, вы оба тоже.

– Ну так убирай, – предложил Гегель.

Улыбка Усатого померкла, и он снова переговорил со своим соотечественником. Оба начали пятиться, удаляясь от Гроссбартов.

– Мы обсудим все с возницей, – сообщил Усатый.

– Давно пора! – заорал Гегель, присаживаясь на поваленное дерево.

– Нужно было пристрелить этих неверных, когда они начали врать, – проворчал Манфрид.

– А откуда ты знаешь, что они неверные?

– Видишь, какие у того усы? А другой явно чужеземец. Ну, и когда я потребовал от них подтверждения веры, они ничего не показали.

– Это ничего не значит. Опять ты все переусложнил, – вздохнул Гегель.

– А почему еще они не хотят нас подвезти?

– Наверное, потому, что мы им ничего не предложили.

– Святым людям платить не надо. Во всяком случае, собратьям-христианам.

– А ты заделался святым человеком? – фыркнул Гегель.

– Оба мы такие. Убили ведь черта.

– Это был не черт, а треклятый человек, которого превратили в чудище.

– Без разницы, – заявил Манфрид.

– Большая разница!

– Ты смотри, не богохульствуй.

Гегель оживился:

– Они возвращаются.

Более того, следом за ними ехал фургон. Второй незнакомец сидел на козлах рядом с возницей. Усатый пошел вперед, широко улыбаясь, но арбалет направил на Гегеля.

– Ваша взяла, – сказал Усатый. – Уберите бревно, дайте пару монет, и мы все поедem нашей дорогой, но вы сойдете в ближайшем городке. Так?

Гегель начал было отвечать, но Манфрид врезал ему локтем по ребрам и перехватил инициативу:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.